

ИЛЪЯ ДЮДЯЕВ

АЛОЕ ПЛАМЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Дюдяев

Алое пламя

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Дюдяев И.

Алое пламя / И. Дюдяев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Недавно прошедший обучение драконоборец возвращается домой, чтобы защищать город от нападений драконов, но всё идёт не так, как он предполагал. Единственного родителя больше нет, а друзья, хоть и остались верны, изменились. И так плохое положение ухудшается, когда он встречается с шайкой разбойников. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Дом	5
Линия терпения	16
Больно бывает всем	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дом

Вермир постучал три раза, едва касаясь двери. Через минуту постучал ещё раз, но настойчивее и громче. Никто не открыл. Он нахмурился, оглянулся. Никого, лишь ветер гоняет пыль по улице. Скинув сумки на крыльцо, он обошёл дом и, пробираясь через кусты, заглянул в окно. Пусто. Глядя подбородок, Вермир вышел на дорогу, ещё раз оглянулся, и пошёл к соседнему дому, который в десятке метров.

Этот дом стар, как княжество Рогвельд, где впервые начали строить такие дома. На вид огромен, внутри тоже достаточно пространства: две большие комнаты разделены меж собой порогом и двойной, словно ворота, дверью, печь в углу. Обычно в таких домах живут большие семьи размером до дюжины человек. Во всех таких домах, где побывал Вермир, есть большой дубовый стол.

Вермир уже взошёл на крыльцо и собирался постучать, как дверь открыла старушка с хмурым взглядом в потасканном бесцветном платье.

– Чаво надо? – скрипуче спросила она.

– Здравствуйте. Скажите, пожалуйста, вы не видели, может, пекарь из соседнего дома куда-нибудь ушёл?

Вермир слегка улыбнулся, сказал осторожно, тихо, всем видом показывая, что не хочет плохого, но старушка всё равно посмотрела затравленно, испуганно, оглядываясь по сторонам, будто ждёт, когда кто-нибудь выпрыгнет.

– Не видели? – повторил вопрос Вермир.

– А вы кто? – спросила старушка, прикрывая дверь. Остался торчать лишь длинный, кривоватый нос.

– Я его сын. Извините, может, я вас беспокою, но мне очень надо узнать, куда он ушёл.

– Он умер, – тихо сказала старушка и резко захлопнула дверь.

С грохотом опустилась щеколда, прогремела цепь, а Вермир остался стоять, смотря на тяжёлую дверь. В груди будто упал молот, оставив лишь пустоту. Он не видел отца шесть лет, укорял себя, что расстался с отцом не так, как должен был, но всегда успокаивал себя, говорил, что приедет и всё будет хорошо. Теперь не будет. Он вспомнил образ отца, голос, слова, захотел придаться печали, прилечь прямо здесь, на земле и вспоминать, но одёрнул себя. Теперь много времени для грусти, некуда торопиться. Через минуту Вермир уже взял сумки и направился к градоначальнику.

Пилан – небольшой, немногочисленный городок, больше похожий на большую деревню. Широкие грунтовые улицы с зеленью по краям пусты, хотя Вермиру кажется, что в детстве были полны народа. Только в центре, где расположена резиденция управляющего, рынок, неработающее здание суда, шумно, многолюдно, но после шести вечера, обычно, наступает такая же пустота, как и на окраинах. Здесь нет многоэтажных каменных домов, как в столице княжества, мощёных дорог или тротуаров, лишь главная улица и центр из камня. Деревянные дома расположены по краям дороги, много кустарников, деревьев, зелени в целом. За четырёхметровой рекой, пронизывающей город, словно иглолка катушку ниток, лес на холмах. Здесь не так, как в большинстве маленьких городов. Горожане хватаются за всё: рубят деревья, делают доски, выращивают пшеницу, рожь, овощи, возят песок из карьера, производят стулья, молотят муку, работает кузня.

Резиденция градоначальника хоть и стоит в центре города, но ограждена, и больше похожа на сад, много растений, цветов, вырезанных фигур из кустов, небольшой фонтан, с каменными бортиками, посреди всей зелени каменное здание, высотой в несколько метров, с белыми колоннами.

У открытых железных ворот никого не оказалось. Вермир прошёл по алее, разглядывая цветущую красоту, к зданию. Перед большими, в два человеческих роста, дверьми старый, но прямостоящий слуга во фраке и белых перчатках.

– Я к градоначальнику, – сказал Вермир.

Слуга холодно осмотрел просто одетого гостя. На Вермире лишь серая рубашка и кожаные штаны.

– Управляющий принимает только по записи, – сказал слуга, прибавляя надменности с каждым последующим словом, ибо всё больше уверялся, что перед ним не важная персона, а простолюдин. – Перед входом в сад есть доска, следует записаться на ней, важно знать, что нужно полное имя. Завтра к обеду будет выставлена ещё одна доска, на которой время, когда вы записаны, то есть когда следует прийти.

– Я не могу ждать. Срочное дело.

К взгляду слуги прибавилось лёгкое презрение.

– Вы можете сказать мне, я передам.

Вермир выждал пару секунд, смотря слуге в глаза.

– По закону чиновники должны немедленно принимать высокопоставленных служащих из цитадели.

Слуга опустил взгляд, проговорил:

– Пройдёмте.

Вермир прошёл за слугой через приоткрытые двери. Внутри богатая обстановка: картины в золотых рамках, мраморный пол, расписанный картиной залива, украшенные драгоценными камнями люстры, мебель из дорогого дерева. Вермир взглянул на лестницу, ведущую на второй этаж, но двинулся за слугой в просторную комнату с длинным обеденным столом. Во главе стола полный мужчина лет пятидесяти со вторым подбородком в просторном белом халате поедает чайной ложечкой яйцо в подставке, но остановился, заведя гостя.

– Это управляющий городом, Вергилий Суальский, – сказал слуга, поклонившись.

Вермир поправил съехавшую сумку. Для него секрет, почему всех чиновников представляют так: сначала имя, а потом фамилия. Он читал про много княжеств, но не в одном такого нет, тем более, в княжестве Рогвельд, где полное имя – фамилия, имя и отчество.

– Торсоу Вермир Малдович, – сказал Вермир.

Градоначальник, прождавший с ложкой у рта, всё-таки съел, прожевал, туго проглотил и хрипло проговорил:

– Что вам надо?

– Я пришёл за ключами от дома моего отца, – сказал Вермир.

– Что? – сказал городовой, сморщившись. Он посмотрел на слугу.

– Он сказал, что из Цитадели! – возмущённо вскричал слуга.

– Так и есть, – сказал Вермир.

– Иди, – сказал градоначальник, – позови Ифи!

Слуга ушёл, согнувшись до пола. Градоначальник отхлебнул из золотого бокала и опёрся о спинку стула.

– А я знаю вашего отца, – сказал он, крутя указательным пальцем и смотря в потолок, – хороший хлеб пекёт.

– Пёк, – поправил Вермир.

– Да-да, очень жаль, – сказал градоначальник без сожаления, – но я также помню, что его сын уехал далеко на юг, учиться на драконоборца.

– Это так.

– А разве... – медленно проговорил градоначальник, рассматривая бедную одежду и богатую внешность гостя, – разве драконоборцы не ограничены в имуществе? Насколько я помню, закон гласит, что всякий, кто желает вступить в ряды борцов с угрозою летающей и

огнедышащей, обязан отречься от денег, имущества и благ мирских. Разве не так? Кажется, я даже процитировал.

– Это не так, вы перепутали с другим очень известным сословием. По закону нашего княжества, всё имущество переходит от отца к сыну, по старшинству. И если только нет наследников, то тогда имущество переходит в руки города.

В комнату зашёл худой мужчина в чёрном кафтане и сапогах по колено, с чистыми и подозрительными глазами, с лицом в форме ромба. За ним подошёл и слуга.

– Здравствуйтесь, – медленно проговорил мужчина, осматривая Вермира.

– О, Ифи! – радостно вскричал градоначальник. – Садись, пожалуйста, отобедай со мной. Заодно помоги решить задачу.

– Приветствую вас, господин, – сказал Ифи, улынувшись, отодвинул ближайший стул и присел.

– Скажи, ты помнишь Малда Торсоу? – спросил градоначальник

– Пекаря? – спросил Ифи.

– Да. Вот, молодой человек говорит, что его наследник.

– Так-с, так-с, – проговорил Ифи, постукивая по столу ладонями. – Так в чём собственно проблема? – спросил он, обращаясь к Вермиру.

– Я пришёл за ключами от дома, который принадлежит мне по праву.

– Несомненно, несомненно. Ведь для этого мы и здесь, чтобы помочь людям получить то, что их по праву.

– Именно, – сказал Вергилий, протягивая руку к бокалу с вином.

– Но наша задача проверять, чтобы кто-нибудь случайно не получил чужого. Скажите, у вас имеются документы, подтверждающие вашу личность? Простите, личность сына пекаря.

– Торсоу Вермира Малдовича, – прибавил градоначальник, кинув в рот пару виноградин. Вермир простоял пару секунд, будто раздумывая, и улыбнулся.

– Карта драконоборца подойдёт? – спросил он, вытаскивая из бокового кармана сумки небольшую блестящую карточку и протягивая Ифи.

Ифи взял карточку двумя руками.

– Торсоу Вермир Малдович, – зачитал он вслух, – драконоборец, закончил обучение в Цитадели.

На карточке изображён полукруглый щит и портрет Вермира, а на другой стороне флаг княжества Рогвельд. Ифи сравнил портрет и стоящего перед ним человека. Чёрные короткие волосы без чёлки, толстые, короткие брови, карие глаза издали могут сойти за чёрные, овальное лицо, лебединая шея. Похож, разве только волосы немного подросли. Ифи прочертил ногтем имя на карточке.

– Не стирается, – сказал Вермир, ухмыльнувшись.

Ифи улыбнулся и отдал карточку.

– Что же, вы действительно тот, за кого себя выдаёте. За сына пекаря.

Вермир на мгновение приподнял брови.

– Раз мы разобрались, – продолжил Ифи, – то я пойду за ключами к вашему дому.

– Как же хорошо, что всё встало на свои места, – проговорил градоначальник.

Несмотря на доброжелательные слова и даже интонацию, Вермир увидел, что у градоначальника слегка подрагивает второй подбородок. От злости. Да и весь вид говорит о том, что он смертельно обижен.

Ифи вернулся со связкой ключей через пару минут и вручил их Вермиру.

– Поздравляю вас с возвращением, – сказал он.

Вермир убрал ключи в боковой карман сумки и попрощался. Когда он вышел в сад, то услышал обрывок фразы: «...теперь побережье...», но внимание оказалось слепым.

На улице снуют люди. Хоть город и немногочисленный, но это не значит, что пустой. Вот идёт пара, за ними ещё одна, дальше группа смеющихся мальчишек, после активно разговаривающие женщины с корзинами. Создаётся ощущение многолюдности. Всегда можно увидеть прохожих, по крайней мере, на главной улице. Что примечательно, не видно карет, повозок, лошадей в целом. По закону этого княжества лошадей не впускают в город, все перевозки внутри города осуществляются с помощью телеги и человеческой силы. В Пилане лошадей можно встретить только за городом, на предприятиях, например, на лесозаготовках.

Вермир остановился, посмотрел на вывеску с надписью «Синяя птица» и соответствующим рисунком. В груди потеплело, он ностальгически улыбнулся. Из таверны доносятся шум, смех, разговоры, превратившиеся в комок непонятных слов. Таверна двухэтажная, но первый этаж расположен в подвале. Вермир спустился по каменным ступеням, дверь открылась, из таверны вышли два шатающихся мужика, невнятно бормоча на пьянчужском. Один упал на лестницу и потянул за собой товарища. Вермир усмехнулся и прошёл внутрь.

Все столы забиты людьми до отказа, как и едой и выпивкой, одинокие посетители выпивают за достаточно длинной стойкой. Света от двух маленьких окон не хватает, в углах свечи, накрытые усиливающим колпаком, а в центре люстра с пятью такими же свечами.

Вермир присмотрел свободное место за стойкой, сумки поставил под ноги. Здоровый лысый мужик в заляпанном фартуке протирает стойку, добавляет выпивку, разговаривает с посетителями. У него круглое лицо, на лбу чёрточка, а нос похож на грушу.

– Воды, – пытаюсь не улыбаться, сказал Вермир.

Мужик мельком глянул на Вермира, машинально протёр стойку и, взяв бокал, отвернулся.

– Скажите, а ярка ли звезда? – спросил Вермир.

Мужик резко повернулся с полупустым стаканом в руках и испуганными глазами, а вода выплеснулась на пол.

– Вермир? – удивлённо спросил мужик и выпил воды.

Это их фраза. Когда кто-нибудь из них грустил, второй подходил и говорил: «ярка ли звезда?». Это служило сигналом, что не стоит сдаваться. Под звездой они подразумевали себя, не тело, а ментальную часть, и если звезда не погасла, если освещает вокруг на миллионы лет, то всё будет хорошо, не смотря на трудности.

– Здравствуй, Нелд, – сказал Вермир, протягивая руку.

Нелд закрыл кран и поставил стакан. Он пожал руку крепко, тщательно качая и всматриваясь в глаза друга.

– А ты стал красивее.

– Да-а, раньше я был не очень, – сказал Вермир, смеясь.

– Ты давно приехал?

– Сегодня, утром.

– Ты уже знаешь?

– Об отце? – спросил Вермир и горько вздохнул, посмотрел в сторону. – Да. Как это случилось?

– Точно не могу сказать. Говорят, сердце.

– Давно?

– Неделю назад, – Нелд попытался встретиться глазами с Вермиром, но тот их опустил. –

Он был хорошим человеком, все это знали.

– Да.

– Если честно, не думал, что смогу увидеть тебя.

– Было место, попросился.

– Это большая удача.

– Наверное, – прошептал Вермир, но тут же вернул голос. – А ты держишь таверну? Как успехи?

– Ну, неплохие, – сказал Нелд, взяв тряпку и начав яростно оттирать пятно на стойке. – Народ есть, постоянные клиенты есть, частенько снимают комнаты. Семью прокормить хватает. Кстати! – вскрикнул он и ударил себя по лбу тряпкой. – Совсем забыл сказать, я же стал отцом!

За столом у стены разгорелась ссора. Мужчины не поделили женщину. Один, довольно крупный и мускулистый, врезал другому, худому с узкими плечами, так, что худой перелетел через стол. Остальные из этой кампании вскочили и начали кричать друг на друга. Женщина, из-за которой всё началось, отошла в сторону и смотрела на разгорающуюся драку.

Вермир встал и направился к буянам.

– Не стоит, – сказал Нелд, слабо улыбаясь.

Вермир обернулся.

– Это же твоё заведение. Неужели ты допустишь здесь такое? – не верящим голосом спросил Вермир.

– Вот дерьмо, – прошептал Нелд, смотря в удаляющуюся спину другу.

Когда Вермир близко подошёл, то невзначай заметил лицо женщины и остановился, по спине пробежали мурашки, сморщивая кожу, а по волосам будто пропустили разряд тока.

– Дора... – ошеломлённо сказал он.

Женщина вскинула голову, её глаза расширились до предела. Из одежды на ней только потёртый сарафан, а внешне напоминает плетёного человечка. Худые, как спички, руки, маленькое лицо с остреньким подбородком, засаленные рыжие волосы, обветренная кожа местами потрескалась, на коротком носике оставшийся от перелома бугорок, сухие, бледно-розовые губы.

За секунду в голове Вермира пронеслись десятки воспоминаний, как они гуляли, смеялись, говорили обо всём, о чём можно и нельзя, целовались, как держа за руку и проникновенно смотря в глаза, говорил, что найдёт её.

Крупный посмотрел на Вермира с опаской, но через мгновение агрессивно выставил голову вперёд, а кулаки сжал.

– Чё те надо? – сипло сказал он. – Чё ты на неё смотришь? Это моя баба!

Вермир медленно перевёл взгляд на буяна. Глаза сияют спокойствием, чистотой, частичкой мудрости. Худой кое-как поднялся, зажимая левый глаз. Вермир почувствовал напряжённую тишину и взгляды.

– Вы не могли бы прекратить дебоширить? – спросил Вермир.

В злых глазах буяна промелькнула искра, будто мысли, но через пару секунд в глазах появилась насмешливость. Он выпрямился, криво улыбнулся.

– А-то чё? – сказал он, посмеиваясь. – Чё ты мне сделаешь, мелкий, жалкий, слабовольный сопляк? – говоря это, буян тыкал указательным пальцем в Вермира, пока не коснулся груди.

Вермир не производит впечатление мелкого, жалкого и слабовольного, напротив, высокого, как в росте, так и моральных качеств, хотя по сравнению с буяном действительно маловат, уверенного в себе, спокойного, стального.

Вермир схватил руку, положил на стол, прижав кисть, а другой рукой надавил на плечо. Буян присел, крикнув, и сжал челюсть. На мгновенье в голове Вермира пронеслось: «А не сломать ли руку? Ведь не успокоиться...», но почти сразу же откинул идею. Прошли разнообразные возгласы, кто-то яростно закричал, кто-то засмеялся, кто-то угрожал, кто-то шутил, но всем интересно, что будет дальше.

Вермир прошептал на ухо буяну:

– Я тебя сейчас отпущу, но ты уберёшься со всеми своими друзьями. Хорошо?

Буян не ответил, Вермир посильнее надавил на плечо.

– Хорошо-хорошо! – поспешно сказал здоровяк.

– Отлично, – сказал Вермир, отпуская руку.

Таверна разочарованно вздохнула, посетители вернулись к выпивке и еде. Кампания же здоровяка напротив, обрадовалась, хотя смотрела на Вермира, будто готова съесть заживо. Худой, который получил в глаз, шербато улыбнулся, всем видом показывая, что крупный получил по заслугам.

Буян поднялся, зло смотря на Вермира, размял плечо и тихо сказал:

– Пойдёмте.

Кампания из шести человек пошла к выходу, здоровяк всё время пытался прожечь Вермира взглядом. Женщина же оперлась о стену, скрестила руки на груди и недовольно посматривала то на подошедшего Нелда, то на Вермира.

– Наёмники, – проговорил Нелд, слабо улыбаясь, и развёл руками.

Вермир повернулся к Доре, сверкая глазами, словно звёздами, но не тепло, не ласково.

– Здравствуй, – медленно сказал он, пытаясь смотреть в голубые глаза, но она отвела взгляд. – Если честно, не думал, что встречу тебя здесь. Можешь мне сказать, чем ты здесь занималась?

Дора гордо вскинула голову, посмотрела практически в чёрные глаза, быстро задышала, её щёки покраснели.

– Почему занималась? Занимаюсь!

– Теперь нет, – твёрдо сказал Вермир.

Нелд наигранно засмеялся.

– Она шутит, – сказал он, натянуто улыбаясь. – Она разносчица.

Вермир переместил свой тяжёлый взгляд на него, Нелд выдержал пару секунд, перестал улыбаться и глянул на пол. Вермир вернулся к Доре.

– Как же так вышло, что ты здесь оказалась? – с горечью спросил он. – Мало того, что этим занимаешься, так и сама подходишь, спрашиваешь, не надо ли, а то, конечно, пожалуйста, пройдёте.

Вермир кривился, размахивал руками, говорил с таким ядом, что себя ненавидел, но остановиться не смог. Дора с красным, как томат, лицом опустила взгляд, грязные рыжие волосы частично закрыли лицо, словно барьер, от тяжких, карающих слов. На глазах выступили слёзы. Вермир это заметил, остановился, в его глазах на секунду блеснул страх.

– Тебе-то хорошо! – выкрикнула Дора срывающимся голосом, всколыхнула руками. – Высокий! Красивый! Статный! Действительно, зачем тебе такая, как я! – она запнулась, быстро задышала, сбавила голос. – Хочешь знать, что случилось? Хочешь знать, почему? Почему так случилось? Почему я здесь? – она посмотрела в глаза Вермиру. – Потому что ты ушёл, потому что ты нас бросил, всех нас, и отец твой умер из-за тебя!

Она рванула и убежала на второй этаж, заливаясь слезами. Трактир опять обернулся к Вермиру, но видя, что самое интересное закончилось слишком быстро, отвернулся. Хотя некоторые подвыпившие всё же смотрели на Вермира, ища хоть какое-то развлечение. Нелд вздохнул, качнул головой. Вермир сел на стол.

– Она сгоряча, это не так, – тихо сказал Нелд, сжимая лоб.

– В какой-то мере это правда, – спокойно сказал Вермир, но смотря в никуда. – Если бы я не уехал, остался, всё действительно было бы по-другому, только неизвестно как.

– Её мать умерла спустя год, как ты уехал.

– А отец? – спросил Вермир, посмотрев на Нелда.

– Спился.

– Надеюсь не здесь, – проворчал Вермир. – Скажи, неужели у тебя не было работы? Она же умеет готовить, стирать, не знаю. Разве не было?

– Не было места, да и сейчас нет, – проговорил Нелд, грустно смотря на друга. – Разве что выгнать кого-нибудь, взять её... но другая же будет этим же зарабатывать. Ты бы так поступил? Ты этого хочешь?

Вермир едва заметно качнул головой.

– Я и подумал, – продолжил Нелд, – что лучше пускай здесь, я, хотя бы, если что, смогу защитить, хотя бы заступлюсь. Под рукой хотя бы, а там... непонятно где, непонятно что с ней.

Внутри Вермира разгорелся огонь, ярость разошлась по всему телу. Омерзение, отвращение, низость, безысходность – эти чувства вторглись в мысли, подливая масла в огонь, разожгли ярость. Он хотел что-то сломать, разрушить, избить, кричать, но ничего не делал, лишь сидел и смотрел в стену с пустым взглядом. Как всегда, он не выпускал ярость, держал на поводке, а огонь превращался в пепел. Каждый раз огонь плавил душу и разум, каждый раз, после пепла, что-то загоралось вновь, но Вермир знал, что так не может быть вечно, когда-нибудь огня не станет.

Вермир встал и тихо сказал:

– Я домой.

Он пошёл, медленно ступая, к стойке, взял сумки и вышел. Улица встретила шумом, люди ходят, не замечая печали Вермира, гогочут, ругаются, смеются, а он стораёт, словно фитиль. Каждый шаг неосмысленней прошлого, Вермир не видит ничего, словно смотрит не вперёд, а только внутрь себя, видит печаль, заботы. Мысли спутываются в огромный ком и пульсируют, доводя до исступления. Свет солнца, тепло, людей, шум, он ничего не замечает, лишь идёт по улице. Он даже не заметил, как сошёл с главной улицы, свернул на Тырскую, полную проулков и тупиков. Здесь достаточно глуховато, лишь изредка слышатся крики или ругань, не часто можно увидеть прохожего, и больше напоминает лес, где вдали поют птицы, только вместо птиц люди, и они переругиваются, ветер шелестит листья, а здесь ветер тревожит бельё на верёвках, тихо, спокойно. Через эту улицу быстрее дойдёшь до дома, не надо делать огромный крюк. В детстве он часто возвращался этой дорогой, частенько возвращался именно от Нелда.

Вермир не заметил, как его схватили и затащили в маленький, размером в несколько метров, переулок. Вермир сразу же очнулся, не совсем понимая, схватил руку и вывернул. Сильный голос вскричал. Но их так много, что Вермира тут же скрутили, он пытался отбиваться, но бесполезно. Руки развели, как и ноги, положили на землю. Сумки сняли.

Вермир запаниковал, но через пару секунд успокоился, стал просто беспокоен за жизнь. Куча отёкших, красных, криво и беззубо улыбающихся, с блестящими глазами, лиц. Их оказалось шестеро. Вермир заметил здоровяка, что был в таверне.

– Вот это встреча! – вскричал здоровяк, улыбаясь во весь рот. – Да-а, брат, есть же справедливость! Есть! – он захохотал, запрокинув голову, дружки поддержали. – Двадцать минут назад ты был силен, видел себя крутым, все эти засранцы, тупые пьяницы, думают, что ты отважен, бесстрашен, полон чести и достоинства, одним словом, герой. Но что же сейчас? Что? Ты лежишь на земле, где теперь твоё геройство? А, парни, правильно я говорю?

– Да! – крикнул один.

– Так и есть! Думает, всех умней, а на самом деле дуралей! – крикнул другой.

Остальные захохотали. Здоровяк разошёлся, стал ходить взад-вперёд, махая руками.

– Видишь ли, – сказал он, – я человек честный, можно сказать, справедливый, люблю честность и справедливость. За ту бабу я заплатил, но не получил желаемого, но теперь... теперь я получу даже лучше, чем худое бабье тельце. Держите крепко, парни.

Вермир заметил, как блеснул нож в руке здоровяка. Он закричал так, как никогда не кричал. Будто бы не людской крик, дикого животного, загнанного в угол, бьющегося в исступлении. Первобытный крик, как кричали далёкие предки даже не людей. На секунду хват правой руки ослаб, видимо, от испуга, Вермир рывком высвободил руку и, сжав указательный

палец, ударил наотмашь. Здоровяк закричал, схватился за глаз, согнулся. Руку Вермира тут же схватили и прижали к земле, он отчаянно задёргался, всеми конечностями и всеми мышцами, но без толку. Здоровяк взревел, яростно пнул голову Вермира, словно мяч. Вермир не почувствовал боли, лишь лёгкий звон в голове, но удары продолжили сыпаться, здоровяк просто топтал лицо. Вермиру не больно, словно оказался внутри огромного колокола, а звонарь почему-то решил, что пора бить. Он потерял чувство времени и пространства, будто вышел из тела и наблюдал, как пятеро мужиков удерживают юношу, а шестой избивает, он не о чём не думал, не было никаких мыслей, просто голые чувства. Обида, отчаянье, глупая и даже в чём-то детская злость.

Здоровяк перестал молотить набухшую, словно арбуз, голову. В волосах и на лице кровь, бурая, не та, что проливается, когда режут глотку, а та, что выходит капля за каплей, как из прохудившегося бочонка.

– Ты посмотри! – закричал здоровяк, удерживая трясущейся рукой вытекающее белое вещество с разломанным коричневым кружком и болтающийся на нерве. – Он мне глаз выбил! Эта сука мне глаз выбила!

Он размахнулся и ещё раз с силой пнул голову Вермира, достал нож и перерезал нерв дрожащей рукой, морщась. Дружки же смотрели с отвращением, отвернулись, будто боль главаря могла перейти им. Один отошёл к стене, согнулся, держась за живот, изо рта полетели кусочки пищи с жижей. Здоровяк выкинул остатки выбитого глаза, глазница опустела, веко опало, словно лишняя кожа. Он отогнал худого, того самого, с которым дрался в таверне, и сел на Вермира верхом, держа нож кверху.

– Держите его крепче, – мрачно скомандовал здоровяк. Зрачки Вермира расширились, как и ноздри, по телу, словно разряд, прошла волна мурашек, холод пощекотал спину. – Глаз за глаз, – кровожадно и хладнокровно сказал здоровяк.

Разбойники прижали Вермира, на ноги навалились, а на руки встали, голову же держали в три руки, но она всё равно поворачивалась.

– Крепче! – рявкнул здоровяк, занося нож.

Голову Вермира прижали, словно тисками, он не смог ею даже двинуть. С диким взглядом смотрел на острие клинка, не выдержав, закрыл глаза и выдохнул. Здесь, в темноте, за закрытыми веками, раздался раскол, высокий, как небо, яркий, как молния, и такой же быстрый. Время пошло медленно, настолько медленно, что Вермиру показалось, будто остановилось. Он оказался где-то в промежутке между темнотой и расколом, этот яркий, ослепительно яркий раскол притянул всё внимание, он только о нём и думал, и видел только его. Вермир видел его настолько долго, что начал замечать маленькие детали, раскол напоминает кривой, но тонкий столб, а вокруг свет менее яркий, сложенный в окружность, по бокам свет желтоватый, а снизу и сверху маленькие сверкающие будто бы искорки коричневого цвета. Картинка начала дрожать и пульсировать, двигаться взад-вперёд. Вермир как-то отстранённо заметил, что кто-то кричит, и крик необычный, не просящий помощи, или окликающий, нет, крик первородный, с неосознанной печалью, будто крик говорит об утрате, о боли и несправедливости, но с тем же криком не походит ни на человеческий, ни на крик животного.

Время пошло быстрее, но всё равно не так, в голове Вермира успело пронестись тысячи больших и малых мыслей, чувств, вопросов. Он понял, что дышит, и дыхание это быстрое, будто шустро бежит, левая часть головы будто вымазана в масле, а глаз и вовсе залит. Вскоре он понял, что крик, который напугал его до дрожи, издаёт сам. Окружающий мир также вернулся, не весь, но вернулся. Вермир видел лишь темноту с пульсирующими красными краями, но знал, что лежит на земле придавленный, он уловил эту мысль из тысячи других, куда-то бегущих, словно сумасшедшие, словно настал конец всему и пора эвакуироваться. Вслед за накатывающей, как прилив, болью последовали другие боли. Быстрые, мелкие, продолговатые, точные, с множеством оттенков, в конце концов, они достигли такого масштаба, что могли

посоревноваться с главной. Вермир всё же понял, что эти боли от одного и того же источника, понял это сразу, как только представил клинок рассекающий плоть.

Разбойники тупо, с дубовыми лицами наблюдали, как здоровяк кромсает лицо юноши. Они не понимали, или даже не хотели понять, что происходит. Они не хотели видеть грязь, несправедливость, не хотели видеть низость и сущность негодяйства. Они не хотели видеть этого, потому что понимали, увидеть это равноценно признанию вины перед собой, что ты, в сущности, не просто подлец, ты монстр, чудовище из чудовищ.

Прохожие, что услышали крик, тут же убежали, а те, кто осмелился, гонимые любопытством, подойти, проходили мимо, увидев, что происходит. К тому же старались, чтобы их не заметили.

Здоровяк, закончив орудовать ножом, встал над залитым в крови Вермиром, захохотал, вскинув руку с окровавленным ножом. Вермир захлёбывался в крови, словно оказался в густой реке, и тонул, вскидывая руку, чтобы кто-нибудь помог, вытащил из бурого омуты, но всё напрасно, здесь нет людей.

– Вот! Теперь личико прекрасно! – вскричал здоровяк, показывая зубы.

– Пузо продырявь, – равнодушно сказал худой, с лиловым фингалом, беря сумку, – а то вдруг выживет.

Здоровяк облизнул губы и, нагнувшись, всадил в живот Вермира нож по рукоять и, прокрутив, вынул. Он харкнул на залитое кровью лицо, закинул, посмеиваясь, вторую сумку на плечо и пошёл. Дружки пошли за ним, выстроившись в два ряда. Во главе второго ряда худой.

Вермир инстинктивно схватился за живот, прикрыл рану. Он ничего не видел, оставшийся глаз залит кровью, прикрыт веком. По телу проходят разряды боли, но в центре, в животе, дыра, из которой льётся алая кровь. Вермир на секунду задумался, что почти не ощущает, голова не перестаёт гудеть, но с каким-то странным спокойствием, в обход разных болей, утрате глаза и ранам на лице, уворачиваясь от разных мыслей он сразу понял, что скоро умрёт.

Вермир не помнит, сколько пролежал на земле, словно рыба, выброшенная на берег с открытым ртом, только он не в испаряющейся воде, а в засыхающей крови. Он уговаривал себя не двигаться, не шевелиться, ведь конец близок. Он лежал, равномерно дыша, мало понимая, но точно зная, что осталось совсем чуть-чуть. Он пролежал, может час, а может несколько десятков секунд, под ним образовалась маленькая лужица и становилась всё больше.

Вермир прекратил дышать на выдохе, тело расслабилось, кожа постепенно синела. Из тысячи тысяч образов возник собственный, высокий, усмехающийся, с ослепительной улыбкой, стоит над Вермиром, его спина защищает от лучей солнца, ветер тербит траву, волны разбиваются о скалы, а брызги уносит. Образ присел и сказал: «Вставай». Словно от разряда Вермир глубоко вздохнул, хотел открыть глаз, но засохшая кровь образовала корку. Всё в голове Вермира переменялось, показалось, что куда-то надо спешить, спешить, не медля ни секунды. Он зашевелился, сел, кровь брызнула из живота, он сильнее прижал руку, с трудом встал, при этом, чуть не упав, содрал с глаза корку крови и слегка поднял веко, но ничего путного не увидел. Показалось, что всё вертится, стена меняется местами с землёй, кусочек неба тоже принял участие в карусели. Он шёл на ощупь, одной рукой опираясь на стену, а другой придерживал рану на животе, словно в бреду, уверен, что куда-то опаздывает и нужно непременно торопиться. Дошёл до выхода из тупика, покачнулся, чуть не упал, но цепкая хватка о здание помогла удержаться, лишь врезался с размаху о стену, как бывает с жутко пьяными. Несмотря на весь бред, где-то глубоко внутри, словно в скорлупе, он понимал, что истекает кровью и, скорее всего, упадёт замертво, но решил дойти до конца. До желанного конца.

Разбойники же всю дорогу грязно шутили, хохотали, толкали друг дружку в плечо. Они были беззаботны и счастливы. Здоровяк первый вошёл в кабак. Это здание странное, одноэтажное, больше похожее на спичечный коробок, снаружи стены выкрашены в чёрный цвет, а

шума совсем мало, хотя должно быть много, ведь кабак – место увеселительное, но никто не орёт на пол улицы. Здоровяк пошёл по узкому для него коридору, на пути встречались открытые комнаты, полные тихо попивающих мужиков, кто-то даже не замечал здоровяка, а кто-то вытягивал шею, кто-то точил ножи, а кто-то просто лежал на кровати, смотря на потолок. Наконец здоровяк подошёл к столу, за которым худой писарь. Он до того худ, что на фоне его рук кисти кажутся слишком большими, а энергичные глаза не гармонируют с бледным лицом, на голове у него коричневая шляпа. Он сидел и копался в бумажках, но как только здоровяк уронил сумку, то подскочил.

– Где он? – спросил здоровяк.

– Что это? – спросил писарь, скривив рот, будто увидел что-то отвратительное. Он будто и не заметил, что у здоровяка нет одного глаза, и идёт кровь.

Подошёл худой, здоровяк сбросил вторую сумку на стол.

– Да что это?! – вскричал писарь, быстро переводя взгляд с сумок на здоровяка.

– Деньги, вещи, ключи. Это в одной. Разберись, в общем, – сказал здоровяк, уходя. Худой пошёл за ним.

Писарь почесал затылок, ещё раз осмотрел сумки и крикнул:

– Эй! Слышишь меня?! Эй!

Справа, метрах в двух от писаря дверь открыл встревоженный мужик.

– Чего? – глухо спросил он.

– Иди, скажи, что тут без него не разобраться.

– Ты уверен? – недоверчиво спросил мужик.

– Я сказал, иди! – вскричал писарь.

Через пару минут подошёл высокий мужчина в чёрной жилетке, под ней белая рубашка, со светлыми волосами, длинная чёлка, достающая до глаз, вечно зачёсывает её набок, а когда приходит в ярость, а это бывает редко, она треплется по всему лбу, но когда начнёт зачёсывать, то все сразу выдыхают. Он вечно доброжелательно улыбается, но не сейчас, сейчас поджал тонкие губы, зелёные глаза смотрят остро, а тонкие брови нависли, словно тучи.

– Скажи мне, Ласис, почему я каждый раз должен сюда ходить? Я для чего тебя сюда поставил? – спросил он, смотря в бегающие глаза писаря. – В чём проблема?

– Гихил, Буган пришёл. Принёс вот это, – сказал писарь, указав на сумки.

– Я же сказал ему больше не приходите, – напряжённо сказал Гихил. – Что внутри?

– Не знаю, я не смотрел. Буган сказал, что там деньги, ключи и какие-то вещи, – Ласис одновременно и говорил и развязал сумку. Он раздвинул горлышко, показался сверкающий полукруглый щит.

Ласис бледен, но побелел ещё сильнее. Гихил сорвался с места, его тяжёлые, но быстрые шаги разнеслись из коридора по комнатам, привлекая внимание.

Здоровяк сидит на кровати, тискает полную женщину. В комнате ещё два человека, косоглазый сидит за столом, попивает из стеклянного толстого, как кружка, бокала. Рябой же сидит на лавке, смотрит с приоткрытым ртом на женщину, не отводя взгляда.

– Э, ты чё на мою бабу смотришь? – сказал здоровяк, прищурился. – Ты сма... О!

В комнату вошёл Гихил, решительный, с серьёзным выражением лица, широко шагая. Он выхватил стеклянный бокал, взял его за доньшко и с размаху разбил о голову здоровяка. Это произошло мгновенно, буквально за секунду. Буган видел лишь как Гихил вошёл, а дальше правый глаз не мог увидеть из-за женщины. Она тут же завизжала и бросилась к выходу, но её схватил рябой, усадил на колени и заткнул рот. Гихил откинул окровавленный кусок бокала, схватил оглушённого здоровяка за шиворот, кинул к столу, схватил за истекающую кровью голову и два раза впечатал в стол.

– Ты что, мать твою, сделал?! – заорал Гихил в ухо здоровяку, но тот лишь мотнул головой. Из переломанного носа полилась кровь, а изо рта пузыри, смешанные со слюнями, кровью и соплями. – У кого спёр?! А?!

Гихил ударил ещё раз головой о толстый стол, и ещё, ещё. Косоглазый с лёгким испугом смотрел, как Гихил пытается разбить голову Бугана, словно дыню. На шум сбежались почти все, они забили коридор, встали у дверей, вытягивая головы, чтобы увидеть, что происходит, но войти не решились. В их числе и худой.

Гихил последний раз ударил о стол здоровяка, зачесал ладонью растрепавшуюся чёлку. Голова Бугана красная, взбухшая, лоб, словно огромная шишка, лицо и вовсе сделалось плоским.

– Выбросить этот кусок мяса! – Гихил поправил жилетку, воротник рубашки. Два молодца вытащили Бугана из комнаты. – Кто был с ним? – спросил Гихил, осмотрев всех. – Кто видел кого-нибудь с ним?

Худой хотел промолчать, но сзади, сквозь толпу протолкнулся писарь.

– Он убил и забрал сумки, – тихо сказал худой.

– Что? – спросил Гихил, дико смотря на него.

– Он, – указал худой на волочащееся по коридору тело.

– Точно убил?

– Должен.

– Точно или должен?!

– Он продырявил его и оставил помирать, но он должен сдохнуть. Рядом с синей птицей.

– Найти! – вскричал Гихил, и все разбежались, словно муравьи.

Линия терпения

Гихил опёрся об угол здания, смотря на трепыхающуюся вывеску в форме маленькой птицы синего цвета. Прохожие старались его не замечать, обходить за пару метров. Он же наблюдал, как из таверны выходят и входят посетители, слушал, как внутри пытаются петь песни, как говорят, смеются, слушал шум и размышлял. Рядом стоит помощник, держа сумки и не смея их опускать на землю, ляжки режут плечи, но он лишь меняет местами. Они простояли пару минут, но помощник ничего не сказал, боясь что-нибудь ляпнуть.

– Пойдём, – тихо сказал Гихил.

Они прошли через улицу и спустились по лестнице. Как только Гихил прикоснулся к ручке, из-за двери вывалились два пьяных товарища. Помощник ринулся вперёд, но Гихил остановил рукой.

– Изиням-с, – кое-как проговорили пьянчуги.

Гихил лишь поднял доброжелательную улыбку и зашёл в таверну. Все затихли, посмотрев на гостя. Гихил направился к стойке. Нелд наливал из бочонка очередному посетителю, но когда повернулся, то увидел Гихила, сидящем на табуретке.

– Привет, Нелд. Как дела?

Нелд сразу решил, что стоит вести себя как всегда, но не вышло. Бокал слегка задрожал, а чёрточка на лбу разгладилась.

– Зд-дравствуйте, – проговорил Нелд, слегка заикнувшись. Он всегда заикается, когда чего-нибудь сильно боится.

Помощник встал позади Гихила, осматривая таверну. Нелд увидел сумки, и внутренне вздрогнул. Те же самые коричневые с истончившимися ляжками сумки, которые были у Вермира.

– Ну, ты отдай покупателю, – улыбнувшись, сказал Гихил.

Нелд быстро отдал гостю полную кружку и встал, как столб. Гихил попросил помощника поставить сумки и отослал его. Помощник, как обычно, хотел спросить: «вы уверены?», но побоялся.

– Налей, пожалуйста, воды, – сказал Гихил, кладя монетку на стойку.

– Не обязательно, – сказал Нелд, наливая воды, закрыл кран и поставил кружку на стол.

– Ничего-ничего, – сказал Гихил, отхлёбывая. – Иначе совсем разоришься. Вот вода у тебя вкусная, мне нравится. Знаешь, такая... лёгкая, охлаждающая, не холодная, а приносящая холод, зубы не морозит. Обычно зайдёшь куда-нибудь, просишь воды, а там такой ужасный вкус, белая, ржавая, с пузырьками, а вот у тебя чистая.

Гихил отхлебнул ещё, оставив половину. Нелд хотел спросить, что ему надо, но не решился.

– Вот ты думаешь, – сказал разговорившийся Гихил, – не воды же попить я пришёл через полгорода. Хотя, за хорошую воду можно и пройтись.

Он допил и тихо поставил кружку, осмотрел посетителей, все с уважением и страхом смотрели на него, а кто-то и вовсе старался смотреть в стену или пол. Тишина могильная, лишь жужжащая муха издаёт звук.

– Видишь ли, – продолжил Гихил, – слышал я, что вчера у тебя был интересный гость.

– К-какой? – тревожно спросил Нелд.

– Извини, лично не знаком. Собственно, для этого и пришёл.

Гихил смотрит спокойно, расслабленно, но сердце Нелда забилося, как сумасшедшее, он не хотел предать друга.

– Т-т-так я не...

– Брось. Мы же оба знаем, что он на втором этаже в предпоследней комнате справа. Так, может, не будем заставлять меня пить ещё одну кружку воды?

Нелд похолодел, слегка задрожал, захотел погрызть ногти, но сдержался.

– Пойдём? – спросил Гихил.

– Пойдёмте, – тихо сказал Нелд и побрёл к лестнице.

Гихил взял сумки и пошёл следом, только когда взошёл на второй этаж, посетители вздохнули свободней и шумней. Из некоторых комнат раздаются стоны. По скрипучему полу они добрались до той самой комнаты, с виду, совсем обычной. Нелд с самым сокрушённым видом, с видом избитым, потускневшими глазами и дрожащими руками, открыл дверь и зашёл внутрь. Улыбка Гихила упала.

То, что увидел Гихил, поразило его, удивило и ужаснуло. Никогда прежде и после он не чувствовал подобного, как в этой комнате. На полу засохшие разводы крови, летают тучи мух, на кровати лежит человек с перевязкой на животе и всей головы, свободен один, забежавший, возбуждённо смотрящий глаз, он нашёл Гихила, скрестив взгляды. Гихил опустил глаза. Воняет ужасно, воздуха не хватает, хотя единственное окно открыто нараспашку, кровать вся в крови, тряпки, которыми перевязали раны, красные, как вино. На столике у стенки блюдо с красной водой, мокрая тряпка, полупустые бутылки.

Нелд встал у кровати, повесив голову. Гихил поставил сумки, прошёлся, не зная с чего начать, он заранее всё продумал, но сейчас будто всё отпало.

– Это ваше, – сказал он спустя десяток секунд потерянным голосом. – Тот, кто с вами это сделал, наказан.

Вермир поочерёдно пытается прочесть хоть что-нибудь в глазах Нелда и чужака, но видит лишь стыд в глазах друга и плохо скрываемый ужас в других.

– Не волнуйтесь, я пришёл с добрыми намерениями, – сказал Гихил.

Он взбудоражен, взведён, словно револьвер, всё его естественно вопит от ужаса. Не боится, нет, его ужасает то, что сделали с этим человеком, и даже не это, а последствия, ужасает, что человек не умер, а до сих пор истекает кровью, разводит мух, лежит с перевязанным лицом, вдыхая запах разложения собственного тела. Гниение, словно змея ползёт по телу, отравляя кусочек за кусочком. Гихил даже побоялся представить, что твориться под перевязкой. И это случилось с представителем одной из самых почитаемых профессий в княжестве, но даже если бы это произошло с самым беднейшим, Гихил бы ужаснулся. На секунду проник страх, что с ним может случиться то же самое, но отогнал усилием воли.

«Я не он», – подумал Гихил, – «я такого не допущу».

– Я присяду? – спросил Гихил, посмотрев сначала на Вермира, а потом на Нелда.

– Ох, д-да-да, пожалуйста, – начал энергично Нелд, но сразу же потух.

Гихил взял единственный стул, повернул, сел верхом, сложил руки, как первоклассник, поочерёдно поглядел то на Вермира, то на Нелда.

– Я буду честен, ибо после гадости всегда должна выходить правда. Не ищите в моём поступке или словах подвох. Ваши... истязатели... пришли ко мне, дабы я похвалил их за мерзкий поступок, как видите, я не похвалил. Я не могу никак выразить свою скорбь, кроме как слов, хотя они особо не помогут. И сомневаюсь, что хоть что-нибудь вам поможет вернуть... Я пришёл, чтобы помочь, чтобы сделать всё, что в моих силах, к сожалению, я не могу вернуть вас на три дня назад. Я не выпрашиваю прощения, хотя и не причастен к этому гнусному преступлению против человеческого тела, но всё же косвенно виню себя, ведь знаком с теми людьми, что сотворили такое. Наверное, я бы мог сделать что-нибудь по-другому, тогда такого бы не произошло. Цель моего визита проста, я хочу поддержать вас, хотя мы не знакомы, но это не значит, что надо оставаться обложенный проблемами. Ваши друзья стараются, это похвально и хорошо, но не могут сделать больше. Я не жажду вас загнать в яму под названием

«долг», а учитывая вашу профессию, думаю, ваша совесть будет думать именно так. Я лишь предлагаю руку помощи. Безвозмездно.

С каждым новой фразой в глазах Нелда всё ярче стало светиться неверие, хотя и размешенное с цветами утешения. Вермир же становился всё мрачнее и печальнее, изредка в глазе мелькала искорка, и когда Гихил закончил говорить, то стал совсем грустным.

Гихил встал, поставил стул на место и со словами: «надеюсь, вы выздоровеете», вышел, поманив за собой Нелда.

– Я сейчас приду, – тихо сказал Нелд, но Вермир не обратил никакого внимания.

Гихил прислонился к стене, посмотрел на потолок. Нелд закрыл дверь.

– Я пришлю человека, он принесёт чистые бинты, поможет отмыть пол, избавиться от поганого запаха, выгнать мух и поменять постель. Врач был?

– Д-да.

– Придёт другой. Насчёт постояльцев не беспокойся, две соседние комнаты и напротив оставь свободными, если кто особо важный заявится, отказывай. Я возьму. Без меня понимаешь, да?

Нелд хотел сказать: «да», но не смог выговорить и лишь кивнул.

– Ладно, Нелд, удачи. Возможно, ещё загляну.

Гихил ушёл, держа руки в карманах, а взгляд перед ногами. Таверна, завидев Гихила, втянула животы, и выдохнули только после того, как он вышел. Но тут же зашла другая важная личность, помощник градоначальника. Правда, никто страха или уважения не проявил, лишь особый интерес.

Ифи, увидев, что за стойкой никого нет, быстрым шагом поднялся на второй этаж. Заметив Нелда, задумчиво смотрящего на стену, воскликнул, прибавив шагу:

– Вас-то я и ищу! Вы-то мне и нужны!

Нелд вздрогнул, в удивлении открыл рот, но спустя мгновение захлопнул, внимательно оглядел Ифи и ещё раз открыл рот.

– Зачем же? – нерешительно спросил он.

– Ох, да не волнуйтесь вы, голубчик, не волнуйтесь, – сказал Ифи с лицом полным умиления. Он остановился прямо перед Нелдом. – Я здесь, не как, так сказать, деятель чиновничий, а как, скорее, обычный человек.

Ифи улыбнулся, сощутив глаза. Нелд ошарашено посмотрел на помощника градоначальника, не понимая, зачем сюда пришёл такой высокопоставленный чин, хотя и догадывался.

– Вижу, вы человек прямой, и не любите прелюдию, так что, так сказать, рублю с плеча, – сказал Ифи. – Недавно мы с Вергилием Суальским, градоначальником, прослышали весть, что драконоборец, единственный на весь город и прикрепленные земли, жестоко избит и ранен, истекает кровью и нуждается в помощи. Мы с градоначальником были ранены в самое сердце от таких вестей, вы не представляете, что там творилось, градоначальник аж заплакал от горя. И так, как мы не можем стоять в стороне от такого безобразного и экстраординарного случая, то мы решили предложить помощь, и покарать преступников, разумеется.

Нелд остался стоять в нерешительности, смотря на Ифи, на лбу появились три чёрточки, он отёр потные руки о фартук и сглотнул.

– Мы не сможем помочь, – сказал Ифи, – если не узнаем, где он, да даже хоть я и знал, сами посудите, то не завалюсь же я к почти не знакомому тяжелобольному. Это некультурно. Поймите, в этом нет ничего страшного, я не бандит, не грабитель, я официальное лицо и от моих действий зависит многое. Засим прошу проводить к пострадавшему.

Ифи вытянул тонкую шею. На мгновенье Нелд засомневался, задумался, почему-то подумал, что это испытание и нужно его пройти с достоинством, но так же подумал, когда пришёл Гихил, но тогда он не мог отказать, а сейчас может. Почти сразу же все глупые мысли ушли. Ведь действительно Ифи не сможет причинить вреда Вермиру, Нелд будет стоять сзади

и наблюдать. Да и кто он такой? Всего лишь владелец трактира, не имеет ни капли власти, а если Ифи действительно будет нужно, то он придёт со стражей и всё перевернёт, но Вермира найдёт.

– Пойдёмте, – глухо сказал Нелд, разворачиваясь.

Ифи встал сразу за Нелдом, и как только дверь открылась, то сразу прочувствовал вонь, но не зажал нос лишь из уважения. Запах такой, будто попал в камеру пыток, повсюду кровь, искорёженный человек, ужасный запах, мухи. Мир будто потерял все краски разом, оставив лишь кровавый цвет, но Ифи нацепил маску доброжелательности, поставил стул у кровати и сел.

Вермир не сразу понял, что зашло двое, а не только Нелд. Он медленно повернул глаз к Ифи, зрачок наполнился изумлением.

– Здравствуйтесь-здравствуйтесь, – проговорил Ифи, – надеюсь, вы меня не забыли. Хе-хе. Плохое с вами случилось, Вермир Малдович, но не для того я пришёл, чтобы ещё более вгонять в сердце ваше тоску, а для того, чтобы уведомить вас, мы это просто так не оставим. Случай этот крепко задел нас, так что уже ищем негодяев, дабы придать правосудию, ну а вам... вам постараемся помочь, чем можем. Таков сказ градоначальника нашего, Вергилия Суальского. Я с этими словами и намерениями вполне согласен. Не должно было с вами такое случиться, да не с кем не должно... Эх, да вот... ну, что остаётся, крепитесь, терпите. Знаю-знаю, и сказать что-нибудь хотите и возразить, может, а говорить не можете. Ну, духом не падайте, терпите, всех перетерпите, гадов-то этих перетерпите. А стража обязательно найдёт негодяев, я вам слово даю. Ну, навестил, проведаль, пора и дальше бежать. Прощайте.

Ифи вышел спиной вперёд, не закрыл за собой дверь и поспешно выбежал из таверны.

«Выжил», – подумал он, – «кровью захлёбывается, вонюю задыхается, а умирать не собирается».

Нелд вздохнул, не зная, что сделать, что сказать, чем помочь, чтобы облегчить ношу друга, захотел сказать подбадривающую речь, но через пару секунд подумал, что будет неуместно и совсем не подбадривающе. Он взглянул на перевязанную голову и откинул взор, не понимая, как помочь, как подступиться, боясь сделать ещё большее, обидеть, испугался, что сделает только хуже, и решил, что лучше ничего не делать.

Просидев пару минут, он сказал:

– Ну, я пойду. Вечером зайду, как обычно.

Вермир боковым зрением видел, как Нелд осторожно, но поспешно вышел, закрыв дверь. Ему больно, стыдно, за то, что друзьям приходится за ним убирать, помогать, перевязывать раны, смотреть на гниющие, кровоточащие раны, смотреть на этот ужас, и в высшей степени обидно за боль, за изуродованное лицо, за отнятый глаз, обидно, что потерял красоту, и ещё больше обидно, что ничего бы этого не было, будь он жёстче, сломай он руку здоровяку, то всё было бы в порядке. Он много над этим думал, с тех пор, как очнулся. Всё было бы по-другому, если бы он не раздумывал о целесообразности поступков, а просто делал.

Прошло три дня, после того, как Вермир шёл по улице весь в крови. Он не помнит почти ничего, лишь непонятные отрывки, не помнит, как пришёл в таверну, два раза постучал, медленно, могильно, и упал на открывшего дверь Нелда. Посетителей было мало, но все смотрели с открытым ртом и полупустой кружкой в руках. Дора подбежала, заревела, Нелд стал её успокаивать, пытаясь заткнуть раны. Кое-как через пару минут они втащили Вермира на второй этаж, Дора не переставала рыдать, а Нелд что-то бормотал. Уложили тело на постель, Дора дрожащими руками обмыла раны, все лицо, изрытое рвами, Нелд бегал по всей таверне, ища чистые тряпки, и послал за доктором. Продырявленное веко опустилось в глазницу, весь живот залит кровью, а из огромной раны хлестала кровь, будто из крана, губы посинели. Дора всё время бросалась проверять пульс, местами пропадающий, но всегда возвращающийся. Нелд же не мог смотреть на лицо друга и пару секунд. Доктор пришёл спустя пятнадцать минут, всё

это время Нелд пытался успокоить Дору, но сам ужасно боялся, Дора припадала к груди, проверяла, дышит или нет. Доктор несколько не ужаснулся, лишь слегка удивился, выгнал всех и остался один на один с истекающим кровью телом.

Вермир очнулся всего лишь за пару часов до прихода Гихила, и первое, что почувствовал, тягучую боль в левой глазнице, щипание на лице и огромный пульсатор в животе, будто сердце находится именно там и стучит, словно молот.

Вермир жалеет, что вообще полез разбираться, уловил себя на том, что готов отдать всё, лишь бы с ним ничего не случилось. Готов отдать Дору на изнасилование, таверну Нелда на разнос, всё, лишь бы не покалечили, но сразу же будто кол вонзился в грудь, он пристыдил себя, за то, что поддался страху, что готов даже подумать об этом, но как только прошли эти мысли, пришли другие, гласящие, что надо было бросить всё и всех ради себя. Он метался от одной мысли к другой, от высшей морали до низшего цинизма, но так и не смог найти выход. Разум, словно безумный, метался меж мыслей, идей. Хоть тело и слабо, хоть трудно говорить, но разум крепок, ясен, разгорается, как костёр.

Гихил сдержал слово. Вечером пришёл доктор с моноклем и небольшой кожаной сумкой. До прихода врача Вермир перемалывал воспоминания, рыл в памяти, как крот. Доктор выложил на стол белоснежные бинты и пару бутылочек с бесцветной жидкостью. Нелд стоит возле окна, следя за действиями гостя. Врач разрезал ножницами тряпки на голове Вермира и даже не скривился, увидев ужасную картину.

– У вас развилось гниение, видимо, плохо продезинфицировали, – холодно сказал он, открывая бутылёк. – Сейчас будет немного больно.

Физическая сила появилась сразу, как только первая капля коснулась жёлтых с комочками ран. Вермир схватился за край кровати, застонал.

– Терпите, – без жалости сказал доктор, – выжигать гной всегда больно.

Нелд не мог смотреть на изуродованное лицо друга, пытался глядеть в окно, скрестив руки на груди, и думать о воде. Выходило, правда, очень плохо, мешали стоны.

Спустя пару минут врач, вытаскивая из сумки иголку и катушку нити, сказал:

– Если вы думаете, что на этом боль закончится, то вы ошиблись.

Нелд всё время простоял с встававшими и опадающими волосами, стоны переходили в рыки, в хрип, но все эти звуки пугали. Нелд бы выбежал оттуда, не оборачиваясь, но не смог двинуться с места.

Доктор, зашив раны на лице, принялся дезинфицировать живот, а после нескольких минут, в которых Вермир громко дышал и отстранённо смотрел в потолок, принялся сшивать дыру. Всё тело Вермира оказалось мокрым, постель пропиталась потом. После зашивания доктор положил иголку и моток ниток в сумку, задумчиво посмотрел на пустую глазницу, вытащил из сумки баночку с белой мазью, обмазал защитные раны и перебинтовал, оставив рот и глаз свободными. Вытирая руки о тряпку, он сказал:

– Мой помощник будет приходить раз в три дня, делать перевязку и обеззараживать. Гниение не так просто вывести, как многим кажется, а плоть ест на ура, как бобры дерева. Я буду приходить раз в неделю, проверять. И на будущее, никогда не делайте такую перевязку, которая была у вас. Мало того, что трудно дышать, так ещё дыхание жжёт раны.

– А что с глазом? – встревоженно спросил Нелд, всё ещё смотря в окно.

– А что с ним? – спросил врач, подняв бровь. – Его нет.

– Я хотел сказать, глазница.

– Зарастёт, и лучше этому процессу не мешать, – сказал врач, пожав плечами, – если тело сильное, то всё будет в порядке, а оно сильное, раз ещё дышит.

Врач взял сумку, вставая. Нелд пересилил себя и с комком в горле проводил доктора до двери.

– Всего доброго, – холодно сказал доктор и вышел.

Вермир судорожно дышит, руки дрожат, через белые бинты проступает свежая кровь. Нелд глянул на него, на столик, где грязные от крови тряпки, всё то же блюдце с красной водой, пусто посмотрел в стену.

– Знаешь, – печально сказал Нелд, – я никогда не думал, что с кем-нибудь из моих друзей или добрых приятелей случится такое. Я думал, что может что-то подобное случиться с Нероном, Тодом, Валосом, но это случилось с тобой. Я... я не знаю, как высказать всё, что я чувствую, но я также боюсь даже представить, как чувствуешь себя ты. Я знаю, что ты содержишься в ужасных условиях, но мы пытаемся. Я не могу тебя просить о прощении, но просто знай, мы стараемся сделать для тебя всё, – Нелд глубоко вздохнул, мельком взглянул на Вермира, который смотрит в потолок. – Если честно, то я даже просто боюсь зайти сюда, боюсь смотреть на тебя, боюсь видеть этот ужас, боюсь притрагиваться к тебе. Мне страшно, а Доре ещё страшнее. Я не знаю, это похоже на что-то странное, нереальное, мы будто делаем что-то не так. Чёрт! Мне плохо, мне больно! Больно видеть тебя таким. Извини, но я боюсь тебя... ты лежишь, не двигаешься, даже не говоришь, а твой глаз... эта зияющая пропасть... Я просто каждый раз думаю, что мы делаем что-то не так, что-то скверное, поганое, желчное. Я просто ничего не понимаю...

Нелд побросал тряпки в блюдце, взял его и вышел, думая, что сотворил ужаснейшую глупость. Вермир, взбудораженный и пустой, закрыл глаз, почувствовал, что готов взорваться, что сейчас полетят по венам тёплые волны, но нет ни сил, ни желания. Всё слепилось в комок, весь мир, ничего не осталось.

За стенкой, ближе к ночи, раздались женские стоны. Вермир прекрасно понимал, кто их издаёт. Он начал ненавидеть и себя, что оказался в такой ситуации, и её. Рвал себя морально, что ничего не может сделать, что закован внутри тела, не может двинуться, не может уйти, что он во власти ужасающего бытия. По ночам, когда никого нет рядом, частенько из одинокого глаза скатывалась скупая слеза. Безудержные рыдания с резкими вдохами, выдохами, задерживанием дыханием тоже происходили, но редко. Он бы хотел плакать в подушку, чтобы шума совсем не было, но не мог даже перевернуться. Иногда приходили пустяковые мысли типа грязного нижнего белья и опасения пролежней, но быстро уходили, вытесняемые другими, тяжёлыми, тягучими.

Дора несколько раз мыла Вермира, пытаясь не смотреть на тело и говорить как можно меньше, но получалось плохо. Он уверен, что его глаз сверкал злобой, что он невыносим, но сдержат себя не мог. Единственное, что помогало – вера, что скоро всё закончится, что это не будет продолжаться вечно и однажды раны заживут, он сможет встать, говорить, вернётся, хоть и не полностью, к нормальному функционированию. Он корпел над этой надеждой каждую секунду, эта мысль рождала силы.

Каждый день на первом этаже много народа, они шумят, смеются, ругаются. Вермира это дико бесило, ему почему-то казалось, что смеются над ним, хотя в глубине души понимал, что это не так. Как и сказал Гихил, пришёл человек и всё отмыл, запах не исчез, хотя он жёг специальную траву, повесил над кроватью открытую баночку с каким-то коричневым веществом и размахивал веером до упадка сил, но запах полностью не исчез, стал лишь меньше в несколько раз. Вермиру показалось, что всё это смешно и грустно. Он много размышлял над визитами и пришёл к выводу, что его хотят сделать должником и другом одновременно, а это добровольная удавка, если только её не разрезать, не упереться рогами и сказать: «нет». Совесть уже сейчас начала сгрызать, но Вермир решил, что попытается отплатить добром, но как только попросят сделать что-то неподобающие или кровавое, то он не только не согласится, но и не допустит этого.

Нелд совсем перестал заходить, Дора иногда заглядывала, бывало, пару раз в день, а иногда ноль. Вермир расстраивался, что его не пытаются взбодрить, поддержать, он всегда переживал удары в одиночку, хоть сейчас они и приложили усилия, иначе бы он умер, но дальше

справится сам. В какой-то момент он привык к одному глазу, к стучащей боли в животе, к тому, что нельзя пошевелить ни одной мышцей на лице, что нельзя двинуться. И тогда понял, что не всё так плохо, хотя всё ужасно, но он стал размышлять холодно, будто со стороны, будто призрак проходить сквозь стены, рассматривать людей. Он рисовал в воображении всё, что вздумается. Чем сейчас занимается Нелд, что замышляет Гихил, куда идёт Ифи, что обсуждают в таверне под очередную полную кружку. Ему стало легче и веселей, он перестал считать себя беспомощным калекой, а с каждой перевязкой ощущал, что проходит очередной этап в длиннейшем пути.

За размышлениями прошла неделя, пришёл доктор. Холодно поприветствовав, он положил сумку на стол и сел напротив Вермира на стул.

– Как себя чувствуете? – спросил он.

Вермир лишь посмотрел, а доктор сразу прочитал множество эмоций в глазе.

– Это шутка, – сказал доктор, слегка подняв уголки рта.

Он раскрыл сумку и вытащил ножницы, бинты разрезал медленно, аккуратно, прилагая минимум усилий. Спустя минуту лицо Вермира обдало воздухом, он свободно вздохнул, но лицевые мышцы не хотели слушаться, будто одеревенели.

– Хорошо, – медленно проговорил доктор. – Вы очень быстро... выздоравливаете, здоровое тело... хорошее тело...

Вермир странно, с опаской, посмотрел на доктора, тот смотрел холодно, не выдавая никаких эмоций, его голос даже не изменился, всё тот же, холодный, медленный, слегка пугающий голос, но в глазах витает улыбка.

– Но, несмотря на такую скорость, – сказал доктор, – всё же ещё нужно время. Пока даже не пытайтесь двигать лицом. Подозреваю, что у вас слегка пропала чувствительность, так бывает, когда долго не пользуетесь мышцами, но не переживайте, это проходит со временем.

Вермир замычал, поднеся руку ко рту.

– Ах, говорить? Говорить сможете, когда раны полностью заживут. Давайте лучше осмотрим живот. Всё прекрасно, просто не пытайтесь напрягать, а то швы могут разойтись.

Вермир указал на пустую глазницу.

– Его по-прежнему нет. Думаю, то, что я сейчас скажу, вас удивит и испугает, но новый не вырастит, – доктор снова слегка приподнял уголки рта. – Это шутка. Глазница прекрасно зарастает, вам не стоит беспокоиться, организм знает, что нужно делать, просто нужно дать ему волю и время. А мой совет, если вы, конечно, хотите его услышать, будет таков: забудьте про глаз, его уже не вернуть, так что не стоит растрачивать силы попусту, можете мне довериться, я много видел подобных случаев и практиковал их. Так что стоит лучше сосредоточиться на том, чтобы не потерять второй. Это шутка.

Доктор встал, прошёлся до окна, держа руки за спиной.

– Вы, наверное, думаете, почему же я не делаю перевязку? А потому что коже надо подышать.

Вермир медленно прикоснулся к лицу, подушечкой пальца нежно тронул борозды швов на лице. Рука задрожала от волнения, сразу же разлилась злость, он понял, что на лице нет свободного места, везде бугристые шрамы. Доктор наблюдал за его реакцией с насмешкой в глазах.

– Неприятно, да? Я про изменения, вы их не просили, но получили, и, естественно, они вам не нравятся. В этом, к счастью, нет ничего ужасного, хотя, кажется наоборот. Вам придётся привыкнуть, что лицо можно использовать в одну сторону, то есть, устрашать, – доктор посмотрел в окно, на бескрайнее море домиков. – Знаете, я не особо люблю много говорить и говорить вообще, но с вами как-то появляется словоохотливость. Интересный вы, однако, собеседник.

Вермир смотрел на доктора, как на шутника, у которого шутки дешевле стакана воды, но с тем размышлял: «почему человек, с виду показавшийся холодный и запертый пытается шутить?» Он искал ответ, но на ум приходили только какие-то фантастические, которые решил не откидывать.

– Обычно я не лезу в дела пациентов, но про ваш случай услышал, не специально, разумеется, краем уха. Это... несправедливо, глупо, конечно, употреблять это слово, но ничего другого из моего запаса слов не приходит. Не думаю, что вы совершили нечто ужасное по равноценности, чтобы так вас наказать. Ведь, это весы, не правда ли? На одной стороне преступление, на другой наказание. И, даётся мне, в одну сторону слишком большой перевес. Но, не смотря на это, – доктор развернулся и взглянул Вермиру прямо в лицо, – мне вас не жаль. Многим, кто слышал эту историю, вас жаль, мягкие женщины даже льют слёзы, из вас, в какой-то мере, сделали мученика. Возможно, вам не рассказывали, но одна половина города и говорит только о вас, а вторая невежливо просит её замолчать. Город возбуждён, кипит и совсем скоро засвистит. Что до меня, так я не разделяю жалости, потому что она размягчает, а я не хочу, чтобы единственный драконоборец вдруг стал пушистым и плачущим, потому что потерял прекрасный лик.

Доктор медленно, тяжело вздохнул, сел обратно на стул, обработал швы мазью и забинтовал. Ушёл он без слов, а Вермир всё время отстранённо смотрел в стену, чувствуя стыд и радость, от чувства важности медленно распирало, но то, в каком он состоянии, умерило пыл. Вернулось неприятное чувство того, что другие люди хлопочут за него, но и капельку приятно, ибо кто-то ведь переживает. И не важные люди, которые ищут своей выгоды, а обычные, которых поклялся защищать. Это придало сил и согрело разум от нападок апатии. Хотя внутри говорил себе, что не может быть всё так хорошо.

Вся следующая неделя прошла в нестерпимом ожидании. Вермир прямо-таки горел желанием поскорее сбросить оковы ран и броситься к людям, тем самым, желанным, простым, как кружка, людям. В особые порывы чувству он хотел выйти на улицу прямо в одних штанах с перебинтованной головой и горящим глазом, но боль в животе сводила всё на нет. Он еле-еле, балансируя, словно куропатка на канате, делал пару шагов и кое-как возвращался на кровать. Кроме помощника доктора больше никто не приходил, а тот угрюм и не говорил ни слова. Впрочем, отсутствие общения не очень заботило, он с удовольствием разговаривал с самим с собой, рассуждая на разные темы, от продолжительности жизни куриц до проблемы ковки металла драконьим пламенем. Лёгкость и быстрота, с которыми летали мысли в голове, могут сравниться только мухи. В какой-то момент он перевернул весь разум вверх дном и начал натывать на уже прошедшие вдоль и поперёк темы, но не отчаивался, а искал новые аргументы. Всё более и более уходил глубоко в себя, настолько, что забыл, что находится практически в центре города, но иногда проплывали панические мысли о тюрьме, будто бы он заперт, если только смог бы дойти до двери и дёрнуть ручку, то она не откроется. Будто над ним насмеются все, кому не лень, будто смеются во всё горло и проговаривают, что он такой дурак, верит, что его здесь лечат, а на самом деле держат в клетке. От таких мыслей единственный глаз загорался, как факел, а руки сжимались до тряски.

Бред расширился с каждым днём, не оставляя место ясности. Появились проблемы с памятью, он не мог припомнить последовательность дня, хотя трудно это сделать, когда лежишь шестнадцать часов подряд и смотришь в потолок. Мысли превратились в оползень, угрожающий разуму. Он не смог их разделить, не смог понять, что они ему говорят. Всё, что Вермир мог вспомнить, это утро, случайные размышления об окне, холодная темнота, а дальше всё по новой.

Когда Дора пришла его покормить, то Вермир её не заметил, хотя она нарочно громко открыла дверь и шумно топала, но он обратил внимание, только когда она поводила перед гла-

зом ладонью, посмотрел, будто стеклянным глазом, смотрел глупо, словно ничего не понимает. Дора поставила тарелку с бульоном на стол, положила руки на колени.

– Я покушать принесла, – медленно и опасно сказала она, – хочешь?

Вермир смотрел на Дору пару минут, а после устался в стену. Дора подумала, что он обиделся, захотела прикоснуться к плечу, но побоялась. В последнее время она не часто улыбалась, но когда входила в эту комнату, то старалась всегда жизнерадостно улыбаться, сейчас улыбка спала.

– Можешь не смотреть на меня, но поесть надо, – сказал она устало. – Тебе нужны силы, совсем скоро всё пройдёт, но сейчас нельзя сдаваться. Каждый день, это целый шаг к выздоровлению. Доктор говорит, что ты быстро восстанавливаешься, осталось только потерпеть чуть-чуть и всё будет хорошо, – она неосознанно широко раскрыла глаза, её голос нёс надежду, воодушевление, – не надо давать слабину сейчас, когда половина пути пройдена. Хочешь, можешь потом. Ну, ну что ты смотришь в эту стену?! Там же нет ничего! Ну, ну поешь... пожалуйста, – её голос надорвался, она укрыла лицо в ладонях и тихо заплакала, сквозь всхлипы проносились слова. – Я хотела... назад... не могу! Делала... но если знала... не решилась... мука... боялась... прости! – она бросилась на колени и схватила его руку, Вермир перевёл пустой взор на её, испугавшееся от взгляда лицо.

Вермир не запомнил этого, как и много другого, но потом спустя многочисленные дни и ночи вспомнил, что был сыт. К удивлению разум Вермира оказался ясен, когда пришёл доктор. Он запомнил всё, от мелких деталей до последнего слова. Запомнил строгое, точёное лицо доктора, запомнил, как он разматывал с головы почти чистые бинты, как стоял у окна, как искал что-то в сумке, как рассказывал про депрессию, как успокаивал, говорил, что скоро всё пройдёт.

В один момент он просто проснулся, очнулся, открыл глаз и чётко задышал, слышал, как бьётся сердце, как поднимается грудь, как из окна светят лучики солнца. Он с удивлением понял, что боли нет, она ушла, оставив вялость. Тело не слушалось, будто задеревенело. Вермир коснулся лица, провёл пальцами через бинты, но ничего не почувствовал. Он медленно раскрыл рот, кожа растянулась, но швы не разошлись, а боль не пришла, кроме того чувства, которое приходит после долгой спячки мышц. Попытался что-то сказать, но вышло очень глухо и неразборчиво, прибавив силу в голос, и стало лучше, но не так, как было прежде, не так ярко. Он растянул улыбку настолько, насколько мог и почувствовал, что кожа напряглась. Перестав мучить лицо, он перекинулся на живот, приложил руку, пощупал, но дыру не нашёл. Единственное, чего побоялся, это глазицу, заросла ли, но он не решился проверять. По коридору кто-то прошёлся, скрипя досками. Вермир наострил уши, замер, но через пару секунд понял, что топот пошёл дальше. Он с трудом смог опустить стопы на пол, через силу встал, но тут же упал на кровать. В последующие два часа он разрабатывал ноги, пытался ходить, разминал всё затёкшее тело, с каким-то удивительным мгновением обрёл силу, энергию, ясность. Весь бред сошёл на нет, и смотрел он на него через призму отрывистых воспоминаний, а воспринимал как дикий сон. Он вновь почувствовал себя здоровым, хоть и не совсем целым, но почувствовал, что вернулся на все девяносто процентов. Это подействовало лучше всего, разум в какой-то мере очистился, стало легче, он воспринял всё, что с ним случилось, как не более чем непогоду. Только, к сожалению, он не смог спрятаться от неё.

Когда Дора вошла, неся тарелку супа, раскрыла от испуга рот, широко открыла глаза от удивления, но её встречал уже не сверкающий глаз, не тупой и пустой взор, а чистый, спокойный и, главное, разумный взгляд. К тому же в глазе прочитала, будто он очень давно не видел её и вот, наконец, она пришла.

– Привет, – неуклюже сказал Вермир, пытаясь изобразить улыбку.

– Привет, – медленно сказала Дора, сверкающе, но смущённо улыбаясь.

Она поставила тарелку на стол и села на кровать. Это было замечательно и откровенно, Вермир никогда после не чувствовал себя таким, будто понял весь мир, будто знает, как всё работает, будто вознёсся. Дора же никогда после не ощущала такого счастья, безграничного, неудержимого, прекрасного. Разговор длился долго, и был наполнен радостью, слезами, рассказами, печалью, воодушевлением, свободой, удовлетворением. Всё, что творилось с ними после разлуки, вылилось в этот разговор, вышло наружу, обнажилось, стало кристальным. Тогда Вермир понял, что не стоит терять голову, когда кажется, что всё кончено, всегда остаётся что-то, что очень важно, но оно кажется незаметным.

Все последующие дни Вермир разрабатывал ноги и голос. Спустя усилия и сжатые зубы походка стала напоминать прежнюю, хотя и остались некоторые шероховатости, вроде лёгкого ковыляния. С голосом оказалось всё проще, чем он думал. Когда Вермир оставался наедине, ему казалось глупым говорить с самим собой, будто кто-то его мог подслушать и посмеяться, поэтому всегда говорил неуверенно и глухо, но когда в комнату входила Дора, и он начинал разговор, то голос сразу же набирал прежнюю мощь. Со зрением никогда не было проблем, даже когда лишился глаза, то видел всё равно прилично, хотя его раздражало, что теперь нельзя смотреть справа боковым зрением, но он привык, не без взрывов в груди, но подстроился. Его слегка напрягало, что он потерялся в днях и не знает, когда будет перевязка, когда придёт доктор, сколько прошло времени. У Доры он спросить постеснялся, хотя, казалось бы, бытовая вещь, но он постеснялся тревожить таким пустяком и наводить на себя ненужные подозрения. Поэтому когда пришёл доктор, то это стало неожиданностью.

Как всегда доктор поздоровался, как только вошёл в комнату, монокль отсвечивал блики света, а холодное лицо не выдавало никаких эмоций. Доктор мягко положил сумку на стол и сел на стул напротив Вермира.

– Вам лучше, – сказал доктор.

– Да, – глухо сказал Вермир, но сконфузившись, прочистил горло и повторил, но уже громогласно.

Доктор будто не обратил никакого внимания на выкрик.

– Честно сказать, я думал, вы умрёте, – смотря в глаз, сказал доктор.

Вермир удивился и даже испугался, но доктор ничего не смог прочитать из-за бинтов, но губы и глаз с лихвой выдали.

– Почему? – спустя десяток секунд тихо спросил Вермир.

– Человек является тем фактором, который и спасает и убивает. Себя. Люди сами себя убивают и сами себя спасают. Бывает, от переизбытка чувств умирают, ибо сердце разрывается. Придумают себе что-нибудь и носятся с ним, только был здоров, как уже лежит, свернувшись клубком, а на следующий день хладный труп. Вы думаете, вас кто-то спас? Нет, конечно, с такими ранами помирают спустя пару минут. Плюс, минус, зависит от человека. Я даже сомневаюсь, что вы бы умерли, если было бы распоротое горло. Вы прошли несколько сот метров с такими ранами, это очень трудно повторить. Можете гордиться.

– Откуда вы знаете? – со страхом сказал Вермир.

– Это теперь общественное достояние. Вы всю улицу, точнее две, залили кровью, заляпали стены. Сейчас отмыли, естественно.

– Так теперь все знают, – с затухавшим взором сказал Вермир.

– А вы не помните наш последний разговор?

– Помню... Я не представлял, что в таких подробностях...

– Привыкайте. Дракоборцы не любят внимание общественности, но вам выпал уникальный шанс. Теперь все ждут вашего выздоровления, возвращения, а также наказание злодеев.

– Вы хотите сказать, что люди думают, будто я буду рубить головы?

Доктор закинул ногу на ногу, загадочно улыбнулся, его глаза блеснули.

– До вашего появления, – сказал он, – не было ничего, монотонная темнота... или серость, как вам удобнее. Словом, ничего не было, и это была лишь одна сторона, вы принесли выбор. Вы являетесь силой, которая даёт людям свободу выбора, право отказаться от темноты, перешагнуть через черту с красной большой надписью: «Не выходить!». Вы олицетворение другой стороны.

– И что же это за сторона, по-вашему?

– О, это уже менее важно. Видите ли, в удушающей пустоте и безграничной тьме, хорошим выбором покажется обжигающий огонь и бескрайние моря лавы.

– Вы просто не сталкивались с драконами.

Доктор засмеялся, медленно, тягуче, почти без эмоций, лишь глубоко раздавалась маленькая задорная нотка.

– Можете не волноваться, я уверен, что ваша сторона окажется лучше.

– Думаете, они захотят увидеть калеку?

– Бросьте. Какой же вы калека, не слепы же, – доктор вынул монокль. Вермир заметил, что этот глаз как-то сузился, стал меньше. – Да, левый глаз мой почти не видит, и только благодаря усиливающему стеклу я могу хоть что-то разглядеть. Конечно, ваш и мой случаи разные, но до того, как я получил монокль в пользование, я прожил без глаза, то есть всё детство и подростковую жизнь.

– Моё лицо...

– Да, досадно.

– Оно искромсано в клочья!

– Разве вы уже видели?

– Я представляю. Бугристые швы и не кусочка чистой кожи. Оно изрезано, доктор.

Доктор перекинул ногу на ногу и, с бесшумным вздохом сказал:

– Вы слишком заботитесь о внешности. Не стоит так переживать, людям важна ваша наружность не более чем скалам птицы. Главное, что вы сделаете, а не то, как красиво ваше лицо.

Вермир взорвался.

– Я уродлив, доктор! Похож на чудовище! И если вы говорите, что людям не важна внешность, то вы их просто не знаете! Они по первому взгляду определяют, какими быть, злыми, милыми или равнодушными! И нет ничего зазорного, в том, чтобы увидев моё нынешнее лицо испугаться, закричать, выгнать! – гнев, как обычно, прошёл быстро, на смену пришла печаль. Вермир посмотрел в сторону. – Я не тот человек, который даст другое будущее, не теперь. Да и не верю. Больше похоже на воспалённую мысль, чем на правду.

Доктор встал, медленно прошёл к окну, держа руки за спиной.

– Вам не нужна красивая внешность, – сказал он спустя минуту разглядывания крыш, – вы же не мошенник, который хочет мгновенно обаять всех вокруг и сбежать. Вы будете добиваться доверия, уважения, обращать людей к себе. Вашей внешностью станут ваши поступки, отразят вашу сущность. Вам ни к чему обольстительная наружность, вы будете прекрасны и так.

Вермир рассмеялся, звонко, нарочно продлевая смех, чувствовал себя погано из-за того, что делает так, высмеивает идею, но не знал, что ещё можно сделать. Доктор не обратил на всплеск смеха никакого внимания. Спустя пару тихих минут доктор вернулся на стул.

– Давайте посмотрим, – сказал он, доставая ножницы.

Лицо, как и предполагал Вермир, оказалось покрыто шрамами от висков до подбородка, словно в коже каналы. Глазница заросла не полностью, ещё отчётливо виден разрез века. Вместо дыры в животе доктор увидел розовый шов с парой торчащих ниток.

– Как лицо? – спросил Вермир.

– Ужасно, – холодно ответил доктор.

– У вас есть зеркало?

– Вы уверены?

Вермир кивнул, доктор достал из сумки небольшое, схожее с дамским, зеркальце, вермир взял зеркальце, задержал дыхание и резко наставил на лицо. Сердце забилося быстрее, грудь судорожно поднялась и замерла, скорбь, жалость, горечь разлились по венам. Хотя он и думал, что под бинтами скрывается что-то ужасное, но такого представить не мог. Перед Вермиром предстало лицо обезображенное шрамами до такой степени, что возникало лишь одно чувство: ужас. Желание поскорее убрать зеркальце куда-нибудь подальше всколыхнуло, как волны в океане, но он удержался, насильно смотря на своё уродливое отражение.

– Думаю, достаточно, – мягко сказал доктор, забирая зеркальце.

Вермир посмотрел на него, плохо соображая, будто что-то рухнуло внутри. Доктор смотрел в ответ спокойно, без отвращения, жалости или страха.

– И вы... вы думаете, что люди хотят меня видеть... таким?

– У вас нет выбора. Прошу прощения, выбор есть, но какой? Вы можете стать отшельником, добровольным изгоем, или жить в уединении прямо в городах или деревнях, но это ничего не меняет. Если же вы хотите вернуть утраченную... репутацию? Трудно подобрать слово... Если вы хотите, чтобы от вас не шарахался каждый встречный, то стоит позаботиться о том, чтобы люди знали, какой вы внутри.

– Звучит дико. Я не терял свободу, чтобы идти лишь одним путём.

Доктор усмехнулся.

– Да будет так, – сказал он, кладя ножницы и зеркальце в сумку.

– Вы уходите? – встревоженно спросил Вермир.

– Да.

– А как же перевязка?

– Вы больше в ней не нуждаетесь. Единственное, повязка, скрывающая пустую глазницу, не помешала бы, но это уже ваша прихоть. Вы исцелились, поздравляю. Дальше организм сделает всё сам, мне ни к чему докучать вам, – доктор выпрямился, взяв сумку, и направился к двери. – У вас хороший голос, вы можете обольщать им. До свидания, – сказал он, перед тем, как выйти.

Вермир сидел ещё минут десять, смотря на дверь. Он окончательно понял, что всё вокруг рухнет, а он не успевает подстраиваться, не рассчитывал, что доктор будет с ним вечно, но не предполагал, что будет так неприятно расставаться. Этот человек сразу показался интересным и вселенски загадочным. Вермир хотел бы поговорить с доктором ещё бесчисленное количество раз, до тех пор, пока не поймёт, что понял все его помыслы и чувства, пока не поймёт, насколько тот прост или сложен. Оставшийся день забылся во сне.

На следующее утро пришёл Нелд. Перед тем, как робко войти, он тихо постучал, Вермир уже давно проснулся и стоял у окна, пытаясь понять, почему доктор так любил смотреть на крыши, но ничего особенного не нашёл. Крыши, как крыши, кое-где облезлые, кое-где отваливающиеся, но всё-таки защищающие от непогоды.

– Здравствуй, – сказал Нелд, смотря в пол, изредка поднимая взгляд на широкую спину Вермира. – Я хочу извиниться, я не должен был говорить те слова, они не правильны. Я испугался и наговорил чепухи. Ты мой друг и останешься им навсегда.

Вермир слышал шаги Нелда ещё до того, как тот дошёл до двери. Он обрёл утраченную силу, свободу. Раньше лежал мешком и не мог ничего сделать, если бы даже за ним пришли и в глаза сказали, что сейчас добьют, он бы ничего не смог сделать. Беспомощность угнетала, убивала хуже клинка, бесила до иступления, но сейчас он понял, насколько силен, насколько могуч, насколько самостоятелен и свободен. Он понял всё, понял, что может всё. И сейчас ему кажется эта ситуация пустяком, теперь он не зависим. Находится в таверне Нелда и ест его пищу, но знает, что в любой момент сможет уйти.

– Ярка ли... – начал Вермир.

– ...звезда? – спросил Нелд, улыбнувшись. – Конечно! Знаешь, я много думал о тебе, о нашей коронной фразе... Я рад видеть тебя в хорошем настроении. Ведь ты не обижаешься на меня? Почему не помотришь на меня?

– Ты уверен?

– Да.

Вермир медленно повернулся, Нелду открылось, некогда красивое, но теперь исковерканное лицо. Нелд забежал взглядом с Вермира на пол, не в силах выдержать, остановил глаза на кровати и протиснул сквозь зубы:

– Прости...

– Ничего, – будто отмахиваясь от пустяка, сказал Вермир, – лучше расскажи, что твориться в городе.

И Нелд рассказал. О том, что, как только наступает вечер, то на улицах царствует тишина. Тот, кто ходит по улицам ночью, либо пьян, либо глуп, либо смельчак. Обычные люди стараются засесть в своё доме под защитой толстой двери и огромного засова, тушат свет и не издают звуков, а если кто-то стучит, то не отвечают. О расхаживающих вооружённых группах после захода солнца, о том, что каждый житель платит не только городу, но и сомнительным личностям, о том, что каждый, кто имеет своё дело, находится на острие споров, подвержен разгрому и вымоганию денег. Нелд тоже выбрал сторону, но его таверну уже давно не разносили. Каждые полгода территория меняется, льётся кровь, крики, ругань, и напуганы жители. Маленький и добрый городок из детства превратился в кишачий улей, где каждый хочет отхватить большой кусок, но не каждый может проглотить такой кусок.

– Как это случилось? – спросил Вермир. – Почему Пилан стал таким? Раньше же такого не было. Прошло шесть лет, а город будто другой.

Нелд вздохнул, протёр рукой лицо.

– Вообще-то было, – сказал он грустно, – но ты не замечал. Ты был подростком, мир поменялся не потому, что изменились люди, города, государства, ты изменился. Мир внутри тебя изменился.

Вермир схватился за лоб, единственное чистое от шрамов место, не считая волос.

– Подожди... А как же стража? Чиновники...

– Они такие же, делают то же самое, просто официально. Просто ещё одна сторона, которая хочет оторвать от тебя кусок, выжать всё, а потом бросить.

– Так нельзя! Надо что-то делать!

– Что?! Что?! – вспыхнул Нелд. – Ты драконоборец, и посмотри, что с тобой сделали! А я... я простой человек, маленький, ничего не решающий. Я даже не могу сказать, какое пиво пить, я просто наливаю и принимаю монетки. Не мне что-то переделывать, у меня есть дочери, о которых больше никто не позаботится, я несу ответственность и не могу их подвести глупыми действиями. Не я, не мне.

Вермир молчал долго, просто не знал что сказать. Безудержная печаль смешалась с безумным смехом. Вышел гибрид, которому смешно до колик, от того, что всё кажется таким разрушенным, и каждая новая деталь не повергает в шок, а смешит, ибо больше нет ничего, кроме смеха, если вокруг происходит бред. Печально от того, что всё кажется таким утерянным, разорванным, раздробленным, от того, что всё рушится на глазах.

– Мы же гуляли по ночам, – сказал Вермир, припоминая подростковые приключения. – И не было никого, никто не ходил по улицам, не грабили, не убивали. Скажи мне, Нелд, что происходит.

Нелд нервно затряс головой.

– Нам просто везло. Когда мы гуляли вдвоём или ещё с кем-то, то никогда не было, но как только я шёл один, то всегда видел, как кого-то мутузят в переулке. Ты мне не веришь? Не

веришь?! Помнишь Марора? Он ещё хотел странствовать по Рогвельду, копил деньги на карточку, работал в кузнице, а по утрам разносил молоко. Помнишь? Ему разбили голову булыжником, он не захотел отдавать деньги.

Вермир помнил Марора, белокурый длинный парень, остальные смеялись над его мечтой накопить целое состояние и купить пропускную карточку, чтобы путешествовать, но Вермир всегда поддерживал идею и целеустремлённость, с которой шёл тот, но всегда боялся, что остальные ребята сделают и из него посмешище. Сейчас он понимает, что был глуп, и если бы вернулся, то обязательно сказал пару подбрывающих слов этому одинокому, всегда с повисшей головой, но трудолюбивому парню.

– Он не единственный, – продолжил Нелд, – много кто пострадал. Апаин, Саник, Логх, Седд. Но они сдались, приняли новый закон, как и многие другие. Здесь не осталось свободы, все платят, все работают, выбиваются из последних сил, лишь бы не тронули семью, а одиночки... я даже не знаю, что ими движет. Наверное, просто хотят, чтобы их не трогали. Всё скатилось к тому, что мы под контролем.

– Знаешь, у меня такое чувство, словно ты рассказываешь сказку. Про каких-то чудищ, которых кто-то видел, они что-то делали или делают, неважно. Словом, эти чудища... они же эфемерны.

– Ты мне не веришь... – печально проговорил Нелд и вздохнул.

– Когда я приехал, то увидел улыбающихся и смеющихся людей. Все ходили по улицам, ворчали, кричали, ругались, но никто никого не убивал и не грабил. Ты мой друг, но, возможно, ты просто... волнуешься.

– Волнуюсь?! – вскричал Нелд. – Да посмотри на себя! Тебя изрезали на куски, и ты говоришь, что ничего нет?! Поймали, как пса и, визжащего, начали резать!

Шрамы заходили ходуном, Вермир всегда, когда гнев захватывал разум, напрягал челюсть до такой степени, что бугорки отчётливо выступали на щеках. Глаз засверкал, как сапфир. Нелд отшатнулся, мельком взглянув на едва сдерживаемую ярость. Он задышал часто, словно после пробежки, сглотнул слюну и устало сказал, повесив голову:

– Пилан превратился в гнойник, такие когда-то вскрывали по всему Рогвельду. Видимо, эту грязь не вывести, она будет липнуть, переползает от человека к человеку, пачкать, заражать, пока не добьётся своего.

Нелд пошёл к двери, пол отдался тяжёлыми шагами. Дверь со скрипом открылась под массивной рукой Нелда.

– Ты на себе испытал взгляд этого города, но не веришь. Что же должно произойти, чтобы ты понял? Чтобы они потрошили людей на улицах?

Несмотря на кипящие эмоции, Нелд закрыл дверь спокойно. Вермир смотрел на дверь долго, сдерживая бомбу внутри. К счастью, это получилось, но не полностью. На смену горячим и льющимся мыслям, пришли тягучие, еле ползучие. Вермир даже не попытался остановить напор этих раскалённых игл, они съедали мозг, словно черви. Но Вермир всегда стоит на своём, пока не переубедит себя, пока не увидит, что все его аргументы рассыпаются в прах, пока не сломаются последние барьеры, он будет упираться. Он бы хотел поверить Нелду, но здравый смысл и вагон аргументов переваливают мнение друга.

На следующее утро зашла Дора, неся тарелку супа. Обычный завтрак, который мог бы Вермиру наскучить, если бы тот обладал хоть каплей брезгливости, но к еде он относится просто, даже недолюбливает роскошную пищу. Тарелка супа оказалась на столе, а Дора присела на кровать.

– Я слышала, – кротко начала она, – ты и Нелд повздорили...

– Немного, – сказал Вермир, смотря на Дору, – он слишком увлечён... даже не знаю, как назвать. Безопасностью? Он буквально обезумел, я не видел его раньше таким, он слишком легко выпускает гнев, не думая о последствиях или думая, но не может сдержаться. Что с ним?

– Он слишком печётся о дочерях. Хочет для них только лучшего, поэтому бывает, сносит с дороги. Не таи обиду, я уверена, он уже раскаивается, ты же знаешь, он быстро отходит, как ты.

– Наверное, поэтому мы подружились, – сказал Вермир, улыбнувшись, но улыбка оказалась дикий контраст на изуродованном лице. Дора лишь мельком взглянула и опять устала на его ладонь.

– Я точно не знаю... но вы обсуждали город? Ему не нравятся изменения, что произошли.

– А какие произошли изменения?

– Меняется же всё, всегда. Даже река может изменить течение за шесть лет. – Вермир горько взглянул на неё, но Дора всё глядела на ладонь. – Приходят новые законы, гласные и не очень. Всё меняется, а Нелд не любит новое, дай право, он будет жить так же, как десять лет назад. Он бы принял за радость вручную наливать из бочки пиво, а не открывать кран.

– Это правда?

– Что? – спросил Дора, вскинув голову и посмотрев одинокий глаз.

– Дора, – сказал Вермир мягко.

– Я не знаю, о чём вы говорили, – сказала она, мотая волосами, но под тяжёлым взглядом всё же сдалась. – Отчасти, скорее всего, за него говорил страх. Я знаю, что он мог сказать, он боится за дочерей, поэтому принимает в штыки всё, что может навредить им, а заодно и другим девочкам, детям. Не стоит полагаться на его мнение полностью, но нельзя сказать, что он неправ.

Вермир усмехнулся про себя. Когда он увидел Дору впервые после расставания, то был расстроен не просто из-за её нового способа заработка, а из-за того, насколько она поменялась, стала другой, не ту, кого он выбрал. Когда она начала истерику, то он потерял дух, сразу понял, что это была не она, она никогда не впадёт в истерику и всегда говорит в правильной форме. Сейчас он увидел ту, которую выбрал, хотя во внешности мало что поменялось с той, что он увидел после расставания, но в речи поменялось всё. Это она.

– Когда я очнулся, – сказал Вермир, – то через пару часов пришли. Мужчина с белыми волосами и в жилетке. Ты его видела?

– Гихил.

– Кто он?

– Я много не знаю, но он бывает в таверне пару раз в месяц.

– Собирает деньги?

– Нет, они просто разговаривают. Никогда не была рядом, чтобы услышать хоть один разговор, но Нелд всегда в присутствии Гихила стоит по струнке, и лицо у него немного испуганное. Нелд как-то сказал, что это один из немногих, кто может на что-то повлиять.

– Он мне помог. Странно, почему? Я его впервые вижу, и, как он сам сказал, меня он видит тоже впервые.

– Чтобы его не обвинили. Ты чего? Ведь это сделали с тобой его люди... В городе об этом только и говорят, ты драконоборец, твоё имя имеет вес.

– Ко мне приходил ещё один. Помощник градоначальника. Думаешь, поэтому же?

Дора не знала помощника градоначальника и ни разу его не видела, как и самого управляющего городом, но градоначальника знали все, хоть и не лично. Дора застыла с приоткрытым ртом, а спустя десяток секунд рассказала, что видела, как после того, как Гихил вышел, в таверну зашёл тощий мужчина в сапогах.

– Это он, – подтвердил Вермир. – Разве ты его больше нигде не видела?

– Местные власти редко выступают на площади, но даже тогда кроме градоначальника и несколько пар слуг больше никого не было, ну и стражи, разумеется.

– Интересно...

Вермир погрузился в раздумья, Дора прервала тишину:

– Так что ты будешь делать?

– Что? – очнувшись, спросил Вермир. – А, пока не знаю, для начала пускай до конца заживут раны.

Дора понурилась взглядом, мельком робко поглядывая на Вермира. Он сразу понял, что она хочет что-то сказать, но стесняется.

– Что-то не так? – спросил он.

– Да ничего, просто я...

– Дора, говори.

– Я подумала, возможно, тебе кое-что понадобится... ты ведь помнишь, что я хорошо шью? Я решила, что тебе будет необходима одежда, которая скроет лицо...

Дора замерла, задержала дыхание, со страхом смотря на Вермира. Он лишь хохотнул.

– Да, – сказал он, – было бы неплохо.

Дора выдохнула, улыбнулась.

– Тогда я принесу?

– Неси.

Дора вернулась быстро, ей хватило пары минут. Она с гордостью показала длинный плащ с пришитым объёмным капюшоном.

– Примеришь?

Вермир кивнул, медленно поднялся и так же медленно взял плащ, ощупал материал, подержал пару секунд и одел. Плащ уходит в пол, а капюшон такой просторный, что поместиться полторы головы Вермира. Тень скрывает лицо и не важно, будет ли солнечный свет или тусклый факельный, если не светить в лицо, то тень укроет.

– Как я? – спросил Вермир, пытаясь осмотреть себя.

Дора отошла к стене, хмуро состроила брови, поднесла указательный палец к губам и сказала:

– Выглядишь, будто пришёл по чью-то душу.

– Очень смешно.

Но плащ ему действительно понравился, а ещё больше понравился капюшон. Он давно уже думал, что будет, если выйдет на улицу таким, страшным, с лицом, похожим на вспухшую кору. Хотел что-то придумать, но откладывал, ибо не знал, как достать нужные вещи, будучи прикованным к кровати. Вопрос не стоял остро, но Вермир точно знал, что как только выйдет на улицу, то сразу поймёт, насколько важна маскировка.

Он уже давно ходит в туалет самостоятельно, чему невероятно рад, делает это преимущественно ночью, но если нужда доходила до критической отметки, то он выбирает моменты, когда в коридоре никого нет, но еду по-прежнему носит Дора. На глаз он нацепил белую повязку, разорвал тряпку на лоскут и прикрыл пустующую глазницу, ему показалось, что беспокоить Дору ради того, чтобы она сделала из более качественного материала и более правильную повязку, не имеет смысла, но поносив несколько минут, понял, что неудобно и не так сильно она нужна, и снял.

Всё шло хорошо, от ран остались лишь шрамы, нитки пропали, а движения стали свободными и не ограничивались болью, пока Дора не принесла странную весть. Она ворвалась в комнату, забыв закрыть дверь. Вермир стоял, облокотившись на подоконник, рассматривал крыши.

– Что случилось? – взволнованно спросил Вермир., развернувшись.

– Вот, прочитай.

Вермир быстро подошёл и взял из трясущихся рук бумажку. На ней написано лишь одно слово: «беги...». Дора села на краешек кровати и, проглатывая слёзы, сказала:

– Это они.

Вермир закрыл дверь и сел рядом с Дорой..

- Кто? – тихо спросил он, посмотрев ей в глаза.
- Те, кто с тобой это сделали, – отчаянно сказала Дора и, закрыв лицо руками, зарыдала.
- Кто дал записку?
- Я не знаю, – проговорила она сквозь рыдания, – какой-то мужик подошёл, отдал и ушёл.
- Он что-нибудь сказал?

Дора что-то произнесла, но из-за рыданий и прикрытого рта звук получился кривой, но Вермир расслышал:

- ... весёлый час близко...

На секунду страх залез в грудь почти полностью, оставив лишь скользкий хвост снаружи. Вермир усилием воли подавил панические нотки ужаса, посмотрел на рыдающую Дору, понял, что не имеет права сейчас показать страх, показать, что всё, что её испуганный разум накрутил, правда. Только не сейчас, не при ней. Когда ты один, то можешь быть самым трусливым, можешь думать, что угодно, даже что ночью тебя загрызёт мышь. Нельзя показывать слабинку, ведь виден не ты, не ты настоящий, а лишь образ, который ты создаёшь.

Вермир приобнял Дору, привлёк к себе, она упёрлась носиком в плечо, по волосам нежно прошлась рука.

– Всё будет хорошо, – сказал Вермир, чувствую, как плечо быстро сыреет. – Успокойся. Ничего страшного не произошло. Я с этим разберусь.

Рыдания перешли во всхлипывания, она подняла заплаканное лицо, мокрые глаза слегка задёрнулись из стороны в сторону, словно рыская. Вермир вспомнил своё отражение, она сейчас рассматривает его лицо с хирургической точностью, и в её глазах лишь страх и ужас. Она снова зарылась лицом в плечо, после тяжёлого судорожного вздоха глухо спросила:

- Правда?

Вермир посмотрел в окно, в мысли вторгся образ доктора, слегка надменный взгляд, холодный голос, шутики, граничащие с остроумием и цинизмом, и его слова, что придётся строить свой образ перед лицом общества. Вермир понял, что вступил на этот путь ещё задолго до того, как ему вырезали глаз. Когда он решил, что хочет быть драконоборцем, когда пошёл учиться этому делу, защищать простых людей от всепожирающего пламени, именно тогда он стал творить другого себя, скульптуру, на которую будет любоваться общество, восхищаться, говорить: «ах, какой герой...». И обществу не придёт в голову, что это лишь кусок камня, выдуманное, неживое. Люди будут думать, что он чистый, героический, храбрый, мужественный, стойкий, сильный, но это лишь его образ, статуя, созданная им же. Все светлые чувства останутся в статуи, а тёмные спрячутся в самом Вермире.

Но эти мысли сменили другие, как день сменяет ночь. Он вспомнил блеск лезвия, беспомощность, отчаяние, яростный крик, вырывающийся из всего тела. Дикий ужас проник в разум, как паразит, высасывая стойкость, принося панику. Вермир чувствовал это, но не подавал виду, ощущал, как хочется бежать без оглядки, бежать от ужасных воспоминаний.

Спустя время он понял, что плечо уже не мокрое, а Дора тихо сопит, уткнувшись носиком в грудь. Он накрыл подбородком её голову и, смотря на кусочек неба из окна, шепнул:

- Правда.

Они ещё долго сидели обнявшись. Вермир размышлял, это было похоже на ночь перед тяжелейшим и неизвестным днём, а после он незаметно для себя заснул, а когда проснулся, Доры уже не было. Он лежал на боку, в комнате тихо, но он проснулся и ничего не увидел. Темнота окружила всё, заползла в комнату, как змея заползает в нору к жертве. Лишь маленький кусочек лунного света падает у окна. Вермир почувствовал давящий взгляд, будто вот-вот ударят в спину, и сразу понял, что проснулся именно из-за этого. Глаз привык не сразу, но даже тогда темнота не стала менее густой. Постепенно Вермир различил фигуру.

- А я всё думал, когда ты заметишь, – сказал полный смеха голос.

Вермир медленно, напряжённо сел. Секунды стали долгими, тянущимися, словно дёготь. Чёрная фигура у стены не двинулась, словно это предмет.

– Не пугайся, я пришёл лишь поговорить.

– Сколько времени ты уже здесь? – спросил Вермир, чувствуя, как подмышки активно потеют, хотя внутри всё холодеет.

– Минуты две.

«В окно залез. Я должен был услышать...», – подумал Вермир.

– Никто не замечает, – сказала фигура.

Вермир волосками почувствовал, что этот человек сейчас улыбается до дёсен, а зубы похожи на штыки.

– О чём ты хочешь поговорить? – спросил Вермир, готовый броситься в любую секунду в темноту, на незнакомца.

– О, всего лишь невинно побеседовать, – сказала фигура и изящно отмахнулась кистью. – Видишь ли, случились непредвиденные обстоятельства, и многие не рады этим обстоятельствам. Они привлекают внимание, мешают делам, тратят нервы. Эти обстоятельства – ты.

Вермир стал дышать тише, медленнее, внимательно смотря лишь на фигуру у стены.

– Но не переживай, как уже сказал, я лишь пришёл мило побеседовать.

– Тогда покажись.

Фигура двинулась, сначала резко, а потом плавно-плавно, словно падает перо, вышла на лунный свет. Это оказался очень высокий мужчина, худой, на вид очень хрупкий, словно можно сдуть, как соломинку, с очень бледным лицом, глаза большие, с расширенными зрачками, улыбающийся до дёсен рот огромен, зубы, как Вермир и представил, толстые, острые, как у акулы, весь верхний передний ряд, нижний скрыт губой, но когда он перестал улыбаться, рот сузился до фантастически маленького размера, словно это жирная точка. Вермир не смог определить его возраст, только подумал, что может быть от двадцати, до тридцати пяти.

– Мой внутренний кодекс не позволяет мне сесть без разрешения в чужом доме.

Вермир посмотрел в черные глаза, взгляд получился слегка исподлобья.

– Ах, да, конечно. Присаживайтесь. Стул вон т...

– Я знаю, спасибо.

«А ночью в дом залезать без приглашения кодекс не запрещает...», – подумал Вермир.

Незнакомец прошёлся, взял стул и поставил у окна так, чтобы луна светила в спину, а Вермиру в глаза. Руки худые, похожие на цепи, а кисти наоборот, большие, как гири. Он сел, изящно положил ногу на ногу, а кисти положил друг на друга на коленку. Пальцы длинные, как у музыканта, а ногти чистые, аккуратно подстриженные, розового оттенка.

– Так зачем вы вернулись? – спросил незнакомец.

– Извините, не расслышал вашего имени, – сказал Вермир. Страх потихоньку уходил, хотя ещё оставалось пару капель, но Вермир уже чувствовал себя лучше, сильнее, не как добыча.

Акуля улыбка, лёгкий смех.

– Можете называть меня: Водник.

Вермир кивнул, но это прозвище никогда прежде не слышал.

– Так о чём вы хотите поговорить?

Рот сузился до точки, глаза сверкнули.

– Зачем вы приехали?

– Это мой дом.

– Тогда зачем это начали?

– Начал не я.

Водник слегка наклонился вперёд, но Вермиру показалось, что его лицо приблизилось вплотную.

– Нет, вы. Давайте попробую вам объяснить. Есть такая штука: мыльный пузырь. Прозрачный, походит на шар, но под любым нажатием, даже лёгким прикосновением пальца, он лопается. Или знаете, давайте возьмём лучше муравейник. Ведь вы видели муравейник? Так вот, там целый мир, укрытый от лишних взоров, бегают рабочие, королева рождает, воины бьются. В общем, экосистема. И вы ведь знаете что будет, если пнуть муравейник? Со всей силы, хорошенько так, чтобы, как говорится, башню оторвало. Мыльный пузырь лопнул, муравейник разрушен, муравьи выползли наружу, их тысячи, они бегают, паникуют, ничего не понимают, им страшно, больно, гадко, но они всё равно хотят отремонтировать свой старый, разрушенный муравейник, ибо это их дом. Вы тот фактор, что разрушил муравейник, вы тот палец, что лопнул мыльный пузырь. Ни в коем случае не хочу вас учить, но нельзя давить на устоявшуюся экосистему извне, это лишь несёт вред. Ведь драконы делают то же самое, вторгаются в устоявшуюся экосистему.

В Вермире сплавились два чувства: гнев и стыд. Гнев, потому что он даже не хотел в это верить, они решили обернуть против него его же действия, сделать злодеем, а стыд, потому что голос внутри подначивал, твердил, что всё так и есть. Это маленькое, но надоедливое чувство, будто пропустил что-то незначительное, оно точило Вермира изнутри, говоря, что, возможно, всё так и есть, он глупый, натворил дел, а другие разгребают.

– Я не сжигал город до углей, не плавил тела. И ничего не рушил.

– Воооооот, – доброжелательно произнёс Водник. – Вы сделали это с благими намерениями, это поймёт каждый, но мыльный пузырь нельзя трогать вообще, даже гладить, как и муравейник, они живут своей жизнью, и всякое влияние извне закончится плохо. Что мы и увидели.

«Это ложь...», – подумал Вермир, и едва не подскочил.

– Тише-тише, – сказал Водник успокаивающим тоном, а взгляд холодный, грозный. Он слегка приподнял одну ладонь кончиками пальцев вверх. – Не всё получается, что задумано. Таковы правила... иначе было бы неинтересно, – он широко улыбнулся, демонстрируя остроконечные зубы.

– Хорошо, допустим, понял. Я злодей, и виноват в том, что случилось только я. И в этом тоже, – Вермир указал на пустую, обмотанную тряпкой глазницу. – Что дальше?

Высокий смех заполнил комнату. Вермир забеспокоился: не разбудит ли Дору или Нелда таким страшноватым смехом?

– Кажется, вы не вполне понимаете сложность ситуации. Этого, впрочем, мало кто понимает. Видите ли, сейчас не то положение, чтобы рассуждать, что будет. Вы просто пойдёте по течению. Тем более, вариантов у вас и нет.

– И куда ведёт это течение?

– В светлое будущее, где народ не взбудоражен, где нет ничего ужасного, где есть справедливость, где злодеев карает закон, а мученик выживает и любит бесприсветно простой люд, власть и закон.

– Прекрасное будущее, но только со стороны.

– Почему же?

– Если знать правду, то не такое уж и светлое будущее, скорее построенное на лжи, крови и подкупах.

– Ох, прошу вас, не драматизируйте, – Водник слегка скривился, изящно отмахнулся кистью. – Драматизм – это, своего рода, тоже ложь. Это утрирование правды, а правда не терпит, когда меняют её истинную форму.

– И что надо сделать?

Водник пару секунд напряжённо смотрел Вермиру в глаза, а после встал.

– За вас всё сделают, надо будет лишь появиться и произнести нужные слова, – сказал Водник, подходя к окну. Он обернулся, посмотрел на Вермира ещё раз, но в этот раз взгляд

мягкий, насколько это возможно, уговаривающий, слегка просящий. – У вас есть шанс исправить то, что случайно натворили. Вернуть мир, спокойствие, добро. Не многим выпадает такой шанс.

Водник схватился за раму, молниеносно залез на подоконник, тихо прыгнул в темноту. Вермир не услышал звука приземления, да и вообще никаких звуков, кроме ударов сердца и дыхания. Он медленно подошёл к окну, осторожно выглянул, но увидел лишь улицу, освещённую луной, крыши домов, стены и тонкие улочки вдаль. Вермир сел на пол, опёрся о стену, тяжело вздохнул.

В комнате нет никаких звуков, вообще. Единственное, что издаёт здесь звук – это возбуждённое тело Вермира. Но спустя множество мыслей, подкреплённых расшвырявшейся фантазией, оно успокоилось, стало тише. Белый шум облапал Вермира всего, скалился в лицо, как дикий, невидимый зверь, сверкал глазами, точно звёзды, пугал, как самый ужасный сон. Вермир специально стал дышать громче, кашлять, фыркать, легко топтать ногой, всё, лишь бы издать какой-нибудь звук, чтобы заглушить эту всасывающую дыру.

Вермир прекрасно понял, что от него хотят, чтобы он успокоил город, дал ложную надежду, построил иллюзорные декорации из песка, а если не согласится, то и не будет никакого Вермира. Апатия легла на плечи, словно чья-то свинцовая рука, Вермир прикоснулся к лицу, медленно провёл пальцами по бугристым шрамам.

– Какой в этом весь смысл... – прошептал он, – нужен ли я народу? Нужна ли им моя защита? Хех, о чём я говорю, я себя не могу защитить... Зачем я вообще сюда приехал? Ах, ну да, к отцу... который умер.

Одинокая слеза скатилась по изуродованному лицу, Вермир поднялся, медленно, словно на ходулях, дошёл до кровати и лёг лицом в подушку, но уснуть не смог, слишком много пылающих мыслей бродило в голове, в груди жгло, как от костра величиной с человека. Сон пришёл лишь под утро, унося вдаль от тягостных идей и дикого воображения.

Разбудил удар двери о стену. Вермир вскочил мгновенно, уставился в проём, инстинктивно выставив руки вперёд. Глаза ещё не привыкшие к свету показывали размытое изображение, но Вермир узнал Нелда, а спустя несколько секунд заметил, что глаза его красные, набухшие, подбородок подрагивает, а ноздри расширены.

– Уходи... – произнёс он почти одними искривляющимися губами.

Вермир остолбенел, голова после резкого пробуждения работает не лучшим образом, но он совсем ничего не понял.

– Что...

– Убирайся! – со злостью сказал Нелд, тряхнув головой и указав на выход.

Вермир открыл рот, но тут же закрыл, отстранённо посмотрел в стену, тяжело вздохнул и стал собираться. Он не понял причину такой злости, но знает, что спорить бессмысленно, да и не те условия, чтобы спорить. Капюшон прикрыл лицо, а плащ почти всё тело, оставив лишь руки. Две сумки вылезли из под кровати и повисли на плечах Вермира. Он молча, слегка виновато вышел из комнаты. У лестницы встретил плачущую Дору.

– Что случилось? – как можно нежнее спросил он.

Рыдающий навзрыд взгляд, льющаяся скорбь, невыносимая грусть.

– Нелду сегодня пришло письмо, – как можно спокойнее сказала она. – Там о его дочерях... и детский ноготок.

Она укрыла лицо руками, слёзы полились вниз, в обход рук, словно ручей в горах. В груди Вермира что-то взорвалось, дрожь прошла по волосам, вытянулись уши. Он хотел что-то сказать, знал, что надо что-то сказать, даже приоткрыл рот, но не знал, что сказать. Он лишь невнятно мотнул головой и пошёл вниз.

Он покинул таверну под слёзы друзей, тягостное чувство тяжёлой утраты. Улица встретила дневным, белым светом, шумом, гамом. Вермир вздохнул по новому, он отвык от свежего

воздуха, большого свободного пространства, свободы. Он шёл туда, где вырос, куда хотел зайти с приезда, шёл домой, вспоминая короткие улочки и хмурясь.

Больно бывает всем

Через большие прорехи в крыше поступают лучи света в тёмное помещение, но глаз быстро привыкает к темноте и свет уже не кажется таким спасительным, как при входе, теперь он кажется карателем, который режет всех, кто примкнул к тьме.

За круглым деревянным столом сидят старые, странные и страшные люди, как внутренне, так и снаружи. Лишь Гихил на их фоне выглядит потомком королевской крови, если не заглядывать внутрь. Всего же здесь собралось шестеро. Вспыльчивый Лирих с исподлобным взглядом демона, он редко приходит на встречи, так же редко его видят на улице. Замкнут, как амбарный замок, но зажигается с одного не понравившегося слова. Выражение его лица всегда такое, будто готов выгрызть собеседнику глаза. Из всех присутствующих с ним никто не видится.

Длинношей Орест отличается от всех доброжелательными манерами и чистотой речи, он мог бы высоко подняться в обществе, но всему мешала уродски длинная шея. Рост тела вполне обычный, но шея занимает две с половиной головы. У него нет здесь земель, живёт в другом городе, но последние события заставили явиться на собрание.

Рем же по праву считается самым уродливым, вместо руки обладает куриной культёй, а разрез губ под носом натянут к ноздрям, правая часть черепа сплошная, без глазницы. Говорит гнусаво, медленно вдыхая воздух через рот, но это компенсируется умением обращаться с ножом. Его подчинённые испытали это на себе.

Самая маленькая территория у Оге, но никто его не недооценивает. Этот худощавый психопат завоевал страх и толику уважения благодаря необузданному нутру, невозможно предсказать, что он будет делать. Его вечно безумные глаза, растянутая улыбка, не замолкающий рот... это лицо снится почти любому, кто его увидит.

Кор же выступает председателем, просто больной старик, непонятно как удерживающий власть в таком месте, но никого не пускают на его территорию, даже членов собрания, но благодаря Кору держится перемирие.

– Ну, что же, господа, предлагаю начать. Не хватает одного, но, думаю, он не обидится, если мы начнём без него. Что скажете? – предложил Кор.

– За, – хрипло сказал Лирих.

– За, – прогнусавил Рем.

– За, – сказал Орест.

– За-а, – тихо посмеиваясь, сказал Оге.

– За, – сказал Гихил.

– Прекрасно, – сказал Кор. – Тогда приступим. Все вы знаете, что недавно произошёл инцидент на территории Гихила, покромсали дракоборца, он еле выжил.

Оге тихо засмеялся, прикрывая рот рукой. Все выжидающе посмотрели на Гихила.

– Это были мои люди, но без моего ведома.

– Сейчас это не имеет особого значения, – сказал Кор. – Важно то, что ситуация вышла далеко из города. Градоначальник не может уладить дело.

– Разве мы должно этого бояться? Все, кто к нам сунутся, обнаружат дырки в теле, – гнусаво сказал Рем.

– Мы не боимся, – сказал Кор. – Сюда придёт армия... и нас задушат. Дракоборцы – элита, неприкасаемые, для народа это не просто поборники добра, это святое, волнения народа раздаются волнами к власти, а власть не любит, когда идут волнения. Мы всего лишь маленький клочок в огромном полотне, нас сотрут и распишут заново. У нас большие проблемы, господа.

– Не всё так плохо, – сказал Орест. – Нам повезло, что дракоборец выжил, это существенно снижает степень последствий.

– Его изуродовали, – взял слово Гихил. – Никто не обрадуется, увидев его в таком состоянии.

– Но если он скажет, что всё хорошо, он выздоравливает, а сотворившие это наказаны, то волна иссохнет.

– Это единственный шанс, – поддержал Кор. – На наш уголок всё равно посмотрят сверху, придут драконоборцы, но мы выстоим. С этого момента нам предстоит вести дела тихо и незаметно, не следует провоцировать верха.

– Ты предлагаешь прятаться нам, как крысам?! – спросил Рем. – Это наш город, наш! Мы платим деньги этим продажным тварям, так ещё перед ними и распинаться? Пусть ватрушка решает эти проблемы. Парня покровсали, стражники не углядели. Их проблемы, не наши.

– Он прав, – поддержал Лирих. – Всё в этом городе проходит через нас, мы держим порядок, деньги получают от нас, благодаря нам этот город ещё не вымер. Случилось то, что случилось, это проблемы законников.

– Градоначальник не может это решить, он сыпется при мысли, что на его деяния могут посмотреть сверху, – ответил Кор.

– Тогда пусть придумает! – вскричал Лирих. – Подкупит кого-нибудь, даст кому-нибудь, его проблемы, пусть ворочится, иначе обнаружит свою девственную шкуру в шкафу.

В комнате наэлектризовался воздух, секунда молчания растянулась, словно резинка.

– Не надо горячиться, мы все хотим избежать проблем, и собрались мы здесь именно для этого, – вкрадчиво сказал Кор.

– Но и указывать мне не надо, – рыкнул Лирих. – Я на своей территории, и ни перед кем пресмыкаться не намерен, а если у уважаемых господ есть такое желание, то вперёд, но без меня.

Лирих рывком встал, его стул оглушительно упал, топот ног этого невысокого, но коренастого главаря, бил в тишине, словно молот. Кор посмотрел на дырявую крышу, выражение его лица упорно твердит о сдерживаемых эмоциях. Гихил спокоен, лицо каменное, но внутри переплетаются мысли, словно узлы.

– Значит, минус один... – прошипел Рем.

– Забавно наблюдать, как что-то строится, – сказал Оге, посмеиваясь, – а после частицы отваливаются, как куски плоти, – Оге всех оглядел и упёрся взглядом в сжимающуюся ладонь. – Это так эпохально и одновременно смешно, развитие, стагнация, гниение...

Орест кашлянул, провёл пальцем по ровному носу.

– Я сюда приехал не для того, чтобы увидеть, как вы соритесь, – сказал он.

– Ты прав, – поддержал Кор. – Всё уже предопределено, завтра драконоборец выступит перед народом. В этом нам поможет друг господина Ореста.

– Да, Водник любезно согласился помочь нам в этом не лёгком деле, он мастерски убеждают людей делать даже самые невообразимые вещи. Он слегка задерживается, прошу его простить.

Горячая волна поднялась из живота к лёгким, Гихил почувствовал, как сердце стало биться медленнее, тягуче, словно в киселе.

«Я знаю, какие вещи он делает», – подумал Гихил, вспоминая образ. – «Водник...»

– Всё предопределено? – спросил Рем, повернувшись единственным глазом к Кору. – Как же так? Без нашего ведома?

– Того требовала ситуация, Рем. Сейчас нельзя медлить, каждый час стоит очень дорого, – ответил Кор.

– Интересно... – прошипел Рем, легонько хлопая ладонью по столу. – Разве мы решили собираться здесь не для того, чтобы обсуждать проблемы и решать их вместе? Какой смысл разыгрывать голосования, если всё уже решено? Я не давал согласие, чтобы эта зубастая тварь разгуливала по моему...

- ...нашему, – поправил Оге.
- ... городу, – продолжил Рем. – Зайдёт на мою территорию, поломаю его огромные лапы.
- Я так понимаю, вы знакомы с Водником, – сказал Орест.
- Рему пришлось полностью развернуться, чтобы посмотреть на Ореста.
- Он весьма известен, – сказал он.
- Мы не сможем защитить вас, когда придёт армия, если вы не согласны, господин Рем, как господин Лирих, – сказал Кор.
- Мне не нужна защита, – медленно проговорил Рем, сдерживая гнев и обнажая кривые зубы. – Вы себя защитите.
- Рем медленно слез со стула и тихо поковылял к выходу, все терпеливо молчали, пока он не вышел.
- Минус два, – улыбчиво сказал Оге.
- Кто-то ещё не согласен? – спросил Кор. – Господин Оге?
- Я не хочу, чтобы меня задушили, господин Кор.
- Прекрасно. Господин Гихил?
- Меня всё устраивает, господин Кор, но почему завтра? Почему не сегодня?
- Мы не можем в полной мере полагаться на градоначальника, завтра из столицы приедет наш человек, у него всё в порядке с репутацией, он будет присутствовать завтра на площади.
- Есть опасения, что градоначальнику просто не поверят, – добавил Орест. – Начнутся расследования, допросы, ищейки будут рыскать носом по городу, и даже за его пределами... нам это не нужно.
- Разумно, – сказал Гихил, – но что вы будете делать, если драконоборец откажется?
- Впервые Орест позволил себе улыбку, стеснительную.
- Господин Гихил, – сказал он, – вы же знакомы с Водником, слышали про его методы, я уверен в нём, как ни в ком другом. Он сделает это, чего бы это ни стоило.
- Я видел драконоборца, видел его оставшийся глаз, гниющее тело. Прежде чем ему оказали хоть какую-то помощь он прошёл в полумёртвом состоянии несколько улиц.
- Нам необязательно это рассказывать, господин Гихил. Мы знаем, как это произошло в мельчайших деталях, – сказал Кор.
- Он просто так не сдастся, – сказал Гихил.
- Оге посмотрел на Гихила, их взгляды соприкоснулись, Оге еле заметно покачал головой.
- У входа послышались шорохи, медленно ступая, в комнату вошёл Водник, за ним у порога остановился неказистый парень. Воздух наполнился странным, тягучим ощущением, будто Водника что-то окружает.
- У всех есть слабости, – сказал Водник, косо улыбнувшись.
- Добро пожаловать, господин Водник, – сказал Кор. – Мы как раз разговаривали о завтрашнем дне. Ты можешь идти, Аарон.
- Парень удалился.
- Драконоборец готов к завтрашнему дню, не переживайте, господа. Осталось только собрать публику и наблюдателей.
- О, – отмахнулся дряхлой ладонью Кор, – эта самая лёгкая часть замысла, она всегда готова.
- В комнате появилась тишина, Гихил впился глазами в Водника, Оге с интересом за этим наблюдал, показывая безумную улыбку.
- Что же, на этом собрание окончено, – прервал тишину Кор. – Мы с господином Орестом хотели бы поговорить о его родном городе, не думаю, что вас заинтересует эта беседа.
- Если позволите, – сказал Водник, – то я поучаствую в дискуссии.
- О, да, конечно, – ответил Кор.

Оге и Гихил синхронно встали, Гихил даже двигаясь к выходу, не сводил глаз с Водника, но тот не ответил взаимностью. Выйдя на улицу, свет резанул глаза, но ни Гихил, не Оге не прикрыли их.

Маленькая улочка усеяна группками людей, у самого входа стоят трое парней Кора. Гихил взял с собой только Ласиса, который остался у самого начала улочки, группа Оге же остановилась там же, но с другой стороны, лишь, когда они отошли достаточно далеко, Оге тихо сказал:

– Думаешь, они там обсуждают засранный городок?

– Возможно, но не только его.

– Ты же понимаешь, что сейчас можно расширить территорию за счёт отколовшихся?

Гихил пристально посмотрел в вечно безумные глаза Оге, сейчас они светятся холодом.

– Просто так никто ничего не отдаст, а кровопролитие никто не оценит, тем более сейчас.

Оге хохотнул, показывая хищную улыбку.

– Прекрати, ты же не думаешь, что у них получится? Скоро настанет время перемен... и лучше сразу знать, кто не отрежет ухо сзади.

Гихил последний раз посмотрел в глаза Оге, они поняли друг друга, поняли мысли следующие за словами, и их пути разошлись. Гихил подошёл к Ласису, а Оге к своей группе хохочущих гиен.

– Всё прошло хорошо? – спросил Ласис.

– Могло и лучше.

– Всё так плохо?

– Нет, могло быть намного хуже. Видимо, Водник пролез в таверну и поговорил с драконоборцем.

– Водник? Тот самый?

– Тот самый, – вздохнул Гихил.

– И что теперь делать?

– Подождём немного. Надеюсь, дома ничего не случится.

– А что-то должно случиться?

Гихил посмотрел на его бледное лицо, волнующиеся глаза.

– Ласис, завтра будет важный день, Кор хочет притащить драконоборца, чтобы успокоил народ. Если ничего не выйдет, то мы окажемся под угрозой. К тому же Лирих и Рем теперь сами по себе.

– Неужели опять начнётся бойня?

Гихил причесал ладонью чёлку.

– Я не знаю, но надо быть готовым ко всему. Возможно, снова каждый будет за себя.

Скажи, ты слышал что-нибудь про Ореста?

Ласис удивлённо вскинул брови.

– Орест тоже тут? Он же вроде не имеет здесь власти...

– Да, он якобы вызвался помочь, потому что у него здесь какие-то дела, которые он не хочет терять. Только не понятно, какие дела.

– Постой, это не тот Орест, с которым Кор делил территорию? Это было давно, ещё до тебя.

– Хе, забавно... это кое-что проясняет.

Гихил опёрся о здание и ушёл в себя. Почему Орест помогает Кору, если это бывший враг? Скорее всего, Кор продал в обмен на спасение, старик боится потерять власть... или даже жизнь, он понимает, что он уже не может совладать с остальными, в любом случае это был всего лишь вопрос времени.

– А почему вы собираетесь в дырявом здании? Неужели так нравится проветривать? – спросил Ласис, слегка улыбнувшись.

– Ага, и мокнуть. Ты не знаешь? Всё начиналось именно здесь, когда-то Кор был молодым, любил грабить и баб, со своей мелкой шайкой они собирались здесь, в старом здании на окраине города.

– Видимо, с возрастом стал сентиментальнее.

Из здания вышел Водник, на фоне остальных он похож на оживший фонарный столб с акульным лицом. Он сошёл с крыльца и двинулся к центральной улице, двое парней зашли в здание, Аарон остался стоять у входа.

– Подожди, я сейчас, – сказал Гихил, двигаясь навстречу Воднику.

Ласис недоумённо посмотрел в спину Гихила. Водник, увидев приближающегося Гихила, встал, растягивая акулю улыбку и развёл руки, будто собрался обнять. Гихил схватил его за одежду и впечатал спиной в стену.

– Слушай сюда, мать твою, – сказал он, давя кулаками на грудь, – если ты попробуешь что-нибудь сделать в моём городе...

– Тише-тише... – Водник схватил за запястья, но кисти настолько огромны, что руки Гихила показались веточками. Он развёл их в стороны, Гихил рывком вырвал руки. – Меня пригласили, а значит...

– Ничего это не значит. Будешь вести себя как ублюдок, то обнаружишь своё тело в яме, и они тебе не помогут, никто тебе не поможет.

Водник ухмыльнулся, легко засмеявшись. Гихил посмотрел на вход в здание, на крыльце Орест, Кор и трое парней, Гихил фыркнул и пошёл домой.

– Пойдём, – сказал он Ласису.

Уже на полпути домой Ласис сказал:

– Босс, это было круто.

Гихил ухмыльнулся.

Вермир повернул ключ в замке, давно забытый щелчок давно забытого замка. Дверь с тяжким скрипом поддавалась напору и взору предстала комната, покрытая ровным слоем пыли. Старая печь, маленький стол у окна, жестяная кровать и немногочисленные вещи отца. Он любил разминать пальцы с помощью стёртой монеты, переводя из стороны в сторону меж пальцев без конца. На окне деревянная статуэтка воина, укрывающегося щитом. И толстая книга «Вера и Мир» с золотой гравировкой И.Д. на обложке.

Вермир поставил сумки у входа, закрыл дверь, смахнул пыль с табуретки и присел.

«Как же пусто...», – подумал он. – «Я не должен был уходить, не должен был лететь за мечтой сломя голову, не смотря по сторонам, не обращая внимания на людей, я не должен был бросать вас. Теперь я один, а тебя нет, отец».

Он схватил голову и безмолвно закричал.

«Неужели тебе было так же плохо? Нет, тебе было хуже. Остаться одному с ребёнком и не потерять веру... ты сильнее меня».

Вермир взял статуэтку, покрутил в руках. Воин держит щит так, будто готовится к атаке сверху, а лицо скрыто, вторая рука тоже поддерживает щит. Он поставил статуэтку на место.

«В это же должен быть хоть какой-то смысл... Да, он есть, это просто красиво».

Пустота заполнила душу, неумолимо шипя и пуская слюни. Всё, чтобы он не хотел сделать, о чём бы ни подумал, она напоминала о себе, о своём присутствии. Вермир разочаровался в себе, в своих поступках, виденье мира, но пришёл не гнев, стыд или слёзы, пришла темнота, медленно поедающая внутренности.

Вермир встал и медленно побрёл к кровати, не обратил внимание на запылённость, просто свалился лицом в подушку и перестал думать, мысли исчезли, словно эфемерные существа. Он быстро заснул, сам этого не заметив.

Солнце светит в глаза, но тень дерева не даёт напечь голову, как гуляющий ветер. Зелёная трава отдаёт чувство жизни, из далека приходит приятный запах свежей выпечки, на фоне холма красуется огромный замок с остроконечными башнями, бойницами, величественными воротами.

Он взглянул на ладони, развернул их, такие светлые, мягкие, не загрубевшие от постоянных тренировок, без мозолей, костяшки не походят на уродские бугры, а кожа на них не прикидывается коркой. Рядом присел светловолосый парень с длиной чёлкой.

– Пойми, я не могу тебе сейчас помочь, мне не дадут. Здесь все повязаны, от действий одного зависят другие, ты должен это понимать. Но это не значит, что я не хочу тебе помочь. Не разваливайся, придёт время, когда от тебя будут зависеть другие, ты должен быть готов, ведь ты именно этого хочешь, не так ли? Спасать жизни. Хорошее дело, наверное. Ладно, я пойду, но помни, скоро начнётся то, чего ты так жаждешь в глубине сознания.

Он хлопнул по плечу и встал, Вермир попытался рассмотреть лицо, но ничего не вышло, оно размылось, детали бесследно пропали, превратившись в рябь.

– Постой...

Свет погас, дерево за спиной пропало, как и трава, запахи улетучились, а ветер замер в ожидании.

– Ты одинок... я чувствую, – прозвучал голос в темноте. – Но ты спросил себя, почему так вышло? Вижу, спросил, но извлёк ли урок из этого? Ты сетуешь на то, что остался один, но помог ли ты кому-нибудь, чтобы они помогли тебе в трудный час? – открылась огромная красная пасть, прокатился грохот смеха. – Ты один, потому что не заслуживаешь ничьей помощи, ты такой по своей природе, ты не можешь быть другим, ибо если ты станешь другим, то это будешь не ты. Сознайся в этом себе и упади в пропасть, как достойный. Будь хоть в чём-то достойным.

Громогласный смех разбежался по темноте, Вермир свернулся калачиком и сжал веки до боли. Он вскочил на ноги, в глазах потемнело, он присел на краешек кровати. Сердце глухо застучало в груди.

«Как это глупо», – подумал Вермир.

В дверь постучали. Вермир только сейчас заметил, что в доме пахнет сыростью, что плащ он так и не снял, как и ботинки.

– Кто там?

– Господин Вермир?

Вермир на цыпочках подошёл к двери, взялся за ручку, но вспомнил и натянул капюшон. Приоткрыв дверь, Вермир старался опустить голову пониже, но при этом рассмотреть лицо незваного гостя.

– Да.

Неказистый, с чёрными, висящими, словно пакля, волосами парень слегка поклонился.

– Меня зовут Аарон, я от господина Водника. Он приглашает вас завтра принять участие в мероприятии на площади. Будьте готовы, утром за вами придут.

Он развернулся и пошёл прочь. Вермир закрыл дверь, стянул капюшон и тяжело выдохнул. Принуждение ему никогда не нравились, да нравятся ли они кому-то вообще... Он даже не вполне понимает, что от него хотят эти странные люди. Всё и так плохо, ещё им что-то надо. Вермир прошёлся и сел обратно на кровать. До этого момента он совсем не задумывался о будущем, думал лишь о том, как быстрее бы прошёл день, целый месяц, проведённый в зловонной комнате почти в одиночку.

«Как изолятор...», – округлился единственный глаз, а после сощурился, изо рта вырвался смешок. – «Доктор, Водник, Гихил... кто все эти люди, каждый со своей чушью. И именно сейчас... нет, они появились сейчас, потому что... потому что... я не смог себя защитить,

лишился глаза и стал уродом. И они просто так не отстанут, не отпустят, потому что они виноваты, а правосудие всегда находит виновных».

Вермир ещё долго сидел, размышляя о случае, который порушил тело и дух. Не в силах совладать с разными мыслями, он решил прибраться, смахнуть пыль, убрать паутину, растопить печь парой поленьев, чтобы пропал запах сырости. В другой комнате, разделяемой лишь занавесью, где только вторая кровать, маленькое стеклянное окошко и нездорового вида комод, в котором Вермир обнаружил аккуратно сложенные вещи отца, пару рубашек и штанов. Он сразу же подумал о том, чтобы переодеться в чистую одежду, снять с себя ту, в которой провалялся полуживой целый месяц, которая впитала запах крови и гниения, но ему показалось, что это будет неправильно по отношению к памяти отца.

Закончив уборку и протопив печь, Вермир присел на табуретку, поставил локоть на стол, а подбородок подпер рукой и посмотрел в окно, вдаль, на заросший берег реки, на поднимающийся на холм лес. В детстве он часто туда ходил с приятелями, там они лазали по песчаному карьеру, исследовали лес, дрались на палках, представляя, что это мечи, а они драконоборцы. Хорошее место, в знойную жару там всегда было прохладно, рядом протекал чистый ручей, в котором можно было напиться, не возвращаясь домой. Они забирались на самую высшую точку холма, откуда прекрасный вид на остальную часть леса и даже дома других поселений. От воспоминаний Вермир решил вернуться на вершину и снова взглянуть на этот захватывающий вид, заодно проветрив голову. Он запер дом и пошёл к мосту, уже на полпути вспомнив, что без капюшона не стоит разгуливать днём и надел.

Деревянный мост через речку держится на двух с половиной местах прогнивших подпорках, в лес почти никто не ходит, лесопилку давно забросили и больше этот мост никому не нужен. Мост потихоньку гнивает, еле держит проходящего Вермира, надеется на чудо, но, в конечном счёте, умрёт.

В лес ведёт песчаная дорога, уже у входа крутой подъём, больше похожий на канал отвода большого количества воды. Когда льют дожди, то дорога превращается практически в непроходимую жижу, незавидная участь подниматься в гору по оползню.

Когда Вермир был маленьким, он с приятелями, как обычно бродили по лесу, но начался дождь, единственную дорогу назад, которую они знали, затопило. Когда они дошли до спуска, то песок таял под давлением ноги. Ребята решили пробежать по склону, они были старше на пару лет, Вермир же побоялся и ушёл искать другой путь. Он продирался сквозь гущу деревьев, пытался слезть по острым склонам, спустился в овраг, а после поднялся. Этот путь в одиночестве занял долгое время, запах и свежесть дождя, сосновых иголок, мокрая одежда и взрывающийся гром врезались в память надолго. Он слез у заросшего деревьями берега, переплыл забитую тиной речку и залез со второго раза по крапиве на другой берег, а после топал до дома пару километров. Позже он узнал, что один мальчик так и не вернулся.

Вермир поднялся в гору и двинулся дальше по ровной вытоптанной тропинке, путь до вершины занимает пару часов, придётся перейти пару оврагов, попасть в парочку паучьих сетей и споткнуться о свалившееся дерево, но это не вызвало раздражения, наоборот, от усилий и движения мышц освободилась голова.

«Работает тело, отдыхает разум. Это действительно работает, я понял это только сейчас, наставник оказался прав», – подумал Вермир, поднимаясь в склон горы, цепляясь за деревья и чувствуя, что пропотел.

Скоро Вермир поднялся на маленький, заросший соснами островок, но увиденное разочаровало, нет больше того величия, того хватающего за сердце чувства при виде раскинувшегося леса, вдали виднеются дома, но всё не так красочно, всё тускло, хоть зелень затмевает взор.

Вермир сел на покрытую иголками землю и упёр голову в сосну.

«Возможно, это не место изменилось, а я? Тогда всё становится просто, не ситуация ужасна, а ты боишься, не другим хорошо, а тебе больно».

Он посидел ещё немного, любуясь на облака, а после полез спускаться. Как юный скалолаз он в позе краба начал движение вниз. Спустившись почти на ровную поверхность, Вермир услышал странный звук, бульканье. Он остановился, а сердце пустилось в пляс, осторожно, пытаясь не издавать никаких звуков, он повернул голову, подождав пару секунд, при этом даже не дыша, звук не повторился. Подождав ещё немного и ничего не услышав, кроме ветра, качающихся деревьев и бьющегося сердца, он двинулся дальше, но через пару секунд всё же решил проверить, откуда бульканье, кому тут булькать, ведь не могло же померещиться. Поднявшись наверх, он двинулся в предполагаемое место, откуда пришёл звук. Практически по отвесной поверхности он шёл боком по скользящим иголкам и вскоре заметил, что земля кончается.

«Всё-таки показалось...», – подумал Вермир, но заметил, что дальше, справа за холмом, начинается камень, плато. – «Или нет... неужели там что-то есть...»

По маленькой, природной полоске камня, пытаясь обнять скалу, Вермир пошёл к каменному куску равнины, пытаясь не смотреть вниз, в огромный овраг, покрытый лесом. Пройдя опасный, скалистый путь он увидел огромное, куда бы поместилось здание градоначальника, плато, и такую же большую и тёмную пещеру. Вермир взгляделся в пещеру.

«Бульканье шло оттуда? Не может быть».

Пытаясь взглянуть в темноту, Вермир почувствовал волну смрадного запаха, упал на живот и пополз к стене.

«Там живёт какой-то зверь, но кто сюда мог пробраться, кроме горного козла? Скорее всего, запах исходит от остатка добычи, видимо, есть ещё один вход».

Вермир оперся о стену и выглянул, пытаясь что-нибудь рассмотреть, попутно решая, что же делать.

«Выходи», – прозвучал в голове чужой, рычащий, но слабый голос. – «Я тебя видел».

Вермир уставился вдаль, почувствовал, как в подмышки забегают мурашки.

«Да что это...», – подумал Вермир.

Выглянув ещё раз и продержав взгляд на нутре пещеры, Вермир встал и шагнул в пещеру. Двигаясь тихо и медленно, Вермир держит руки перед собой, а глаз начинает медленно привыкать к темноте, но неизвестного собеседника не видно.

«Что я делаю... что за глупость, надо уйти отсюда, быстрее», – подумал Вермир.

Он уже развернулся, но тут незнакомый голос снова появился в голове:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.